

Глава пятая МЕЖДУ ДНЕСТРОМ И ПРУТОМ

1. Перед новым натиском

6-го июня прибыл в бригаду. Командование обновилось, но боевых друзей сохранилось не мало.

- Здравствуйте, Геннадий Иванович, - тепло обнимаясь, проговорил майор Федоров. - Как я рад видеть вас на ногах.

И, отстранившись, спросил:

- А почему погоны майора? Разве не знаете, что вы - подполковник.

- До сего дня не знал. Только что сообщил Семен.

- Поздравляю!

- Спасибо.

Теплой была встреча и с другими офицерами штаба.

- Пойдемте, я представлю вас комбригу и познакомлю с начальником штаба, - предложил Федотов.

- Сергей, это будет нетактично. Мне предписано прибыть к командиру корпуса, туда я и отправлюсь. Прошу только поставить меня на довольствие и где-то устроить на ночлег.

В течение получаса Федоров кратко рассказал о боевых событиях в Одесской операции и текущей обстановке.

- Фронт стабилизировался в 50-60-ти километрах на запад, по реке Днестр. Гитлеровская авиация уже две недели нас не беспокоит, но самолеты-разведчики ее появляются ежедневно.

Командный пункт бригады располагался в селе Карманово, в 40-45 километрах северо-восточнее Одессы; здесь же был командный пункт корпуса. Разговор происходил в добротной землянке с небольшим оконцем.

- Хорошо окопались, - заметил я.

- Вся бригада зарыта и тщательно замаскирована. Танкистам всего корпуса, как только перешли две недели тому назад в этот район, было приказано снять танковые и прикрепить общевойсковые эмблемы, хотя последних не хватает. Запрещено также одевать танковую спецодежду. Револьверы и пистолеты экипажей - под замком. Наряд и охрану танкисты несут с автоматами или карабинами. Все соединения корпуса сменили опознавательные знаки на технике. Все это делается для того, чтобы у противника создалось впечатление, что мехкорпуса здесь нет. Поскольку эти меры совпали с погрузкой и отправкой на центральный участок советско-германского фронта 8-й гвардейской армии, то противник может подумать, что ушел и мехкорпус.

Одев на погоны звездочки, соответствующие званию "подполковник" и сняв танковые эмблемы, направился в штаб корпуса. Начальник строевого отделения гвардии майор И.Г.Ткачук был удивлен:

- Поправились - это хорошо, но разве в отделе кадров БТ и МВ фронта не знают, что вашего уровня должности заполнены?

- Я сам просил, чтобы меня направили в свой корпус.

- На что же вы претендуете?

Начальственный, с амбицией на роль назначающего тон Ткачука задел за живое, но я сдержался.

- Назначают не по претензиям. Решать будет командир корпуса.

- Я доложу комкору, но мест не имею, - с металлом в голосе ответил Ткачук.

Майор З.С.Тагиров по-дружески пригласил меня расположиться в комнате, которую он занимал в одном из домов колонистов, проживавших в селе до войны. Вскоре мы услышали по радио сообщение о высадке американских и английских войск на северное побережье Франции, что вызвало у нас радость. Зияф Саяпович убыл на митинг в один из батальонов, посвященный этому событию, а в конце дня поделился своими впечатлениями.

- Большое воодушевление у гвардейцев. Они приветствуют открытие второго фронта, на которое решились, наконец, союзники. Но многие выражают чувство досады. Сорокалетний старший сержант в своем выступлении сказал:

- Кто у нас не рад открытию второго фронта в Европе? Все рады: нам - легче, победа - ближе. Но очень поздно. Если бы наши фронты не были сегодня у западной границы Родины, то второго фронта не было бы: ведь не все еще советские солдаты лежат в земле. Боятся союзники, кабы мы раньше их не пришли в Берлин, вот и высадились.

В половине следующего дня принял командир корпуса генерал Жданов.

- Поздравляю с выздоровлением и званием подполковника, - пожав после моего представления руку, ответил он и пригласил сесть.

- Позвольте поздравить и вас с назначением командиром корпуса.

- Спасибо. В бригаде были? Вот там и располагайтесь. Свободной должности у меня нет. Будете выполнять мои поручения, а там посмотрим.

- Может фронт что-то найдет? Откомандируйте.

- Не торопитесь и не горячитесь. Дам ответственное дело, а там и должность.

Три последующих дня находился в неведении и бездействии. Это иссушало душу, хотя успешный ход военных действий не мог не вызывать радости.

Когда радость и давящая боль соседствуют, последняя чувствуется острее. Но именно в один из этих дней пригласил меня новый командир бригады, чем несколько скрасил мое бытие.

Полковник Троценко вступил в командование с 17-го апреля. В свои 38 лет он был стройным, подтянутым, подвижным, среднего роста мужчиной. Спокойный взгляд его голубых глаз, простота речи и обращения с собеседником подкупали.

- Почему не заходите?

- У вас гора дел и забот, нельзя же от них отрывать.

Поинтересовавшись, как я устроен и обеспечен, он попросил меня охарактеризовать ряд офицеров управления бригады, командование полка и батальонов. Я это охотно сделал, высказав сожаление, что не осталось и половины тех, кого знал.

- А что вы скажете о Тагирове, Листухине? После некоторого смущения я ответил:

- Судить о тех, кто старше меня на 6-9 лет, - бестактно, хотя не побоялся бы сказать прямо даже им...

- Прямо и скажите: ведь это - между нами.

- С Зияфом Саяповичем легко договариваемся, когда решаем общие дела. Человек - чудесный, не амбициозный. Его беда - в низком общем (семь классов) и военном (краткосрочное училище и курсы) образовании. Начал артиллеристом, продолжил танкистом, но ни тем, ни другим в достаточной степени не стал. Честен, но мало требователен. Его надо загружать делом, сам он его не находит.

Иван Яковлевич - политработник с большим стажем, но, как ни странно, слабый. Наверное, об этом вам говорили многие, не без сожаления вспоминая погибшего Яцкова, его предшественника. По образованности уступает Тагирову, как танкист - невежественен. Амбициозен, вмешивается в дела командования и штаба. Как-то вошел в доверие к генералу Жданову, нашептывал на Щербакова, на меня и бывшего командира танкового полка майора Дедюева.

- Мое впечатление совпадает, - сказал Яков Иванович.

- Пришлось уже ставить Листухина на свое место. Начальник политотдела корпуса полковник А.М.Костылев работой Листухина тоже не доволен. Что касается Тагирова, то не знал, что более половины службы он был артиллеристом.

Познакомился и с начальником штаба бригады подполковником Петром Михайловичем Аршиновым. Знал его в лицо по бронетанковой академии, обучавшимся на курс раньше меня. Это был офицер с немалым боевым и двенадцатилетним служебным опытом.

10-го июня меня вызвал начальник штаба корпуса полковник Владимир Филиппович Чиж, назначенный с должности начальника оперативного отдела штаба одной из танковых армий. Он окончил академию имени М.В.Фрунзе и имел большой опыт штабной работы в боевой обстановке.

После доклада о прибытии, приветливо пожав руку и усадив, он некоторое время разглядывал меня, а затем начал разговор.

- Командир корпуса приказал вам возглавить учебные сборы командиров рот, командиров танков и мотострелковых отделений. Продолжительность - 14-15 учебных дней, плюс выходные.

- Сбор командиров рот - понятен, но младших командиров в масштабе корпуса?..

- Комкор хочет добиться единства понимания общевойскового боя не только в ротном звене, но даже в звене экипаж, отделение.

- В таком случае командиров танков (это, ведь, офицеры) и командиров отделений надо разделить на два набора, следующих один за другим, и дать им не по 15-ть, а по 10 учебных дней.

- Предложу это на утверждение комкору. А теперь идите к начальнику оперативного отдела подполковнику Толубко и примите участие в разработке учебных документов и приказа.

- Толубко, Володя?

- Да, Владимир Федорович. Вы с ним знакомы?

- По академии. Он учился раньше меня на курс, но часто вместе тренировались и выступали в межакадемических спортивных соревнованиях.

- Вот и найдете общий язык, - пожимая руку, сказал начальник штаба.

С Толубко мы встретились как старые знакомые. Он прибыл с преподавательской работы в бронетанковой академии, на которую попал после тяжелого ранения, полученного им во время командования танковой бригадой.

Зная уже суть возложенного на меня дела, он сказал:

- Геннадий, я тебя знаю и по академии, и по рассказам о твоих делах в корпусе. Расчеты, программы сборов и приказ лучше тебя самого никто не сделает. В помощь я тебе дам своего заместителя майора Н.И.Барышева.

Через сутки был готов и подписан приказ, а через двое - утверждены программы и расчеты. В основу программ был положен накопленный в корпусе боевой опыт с учетом требований Полевого и Боевых уставов.

В мое распоряжение в качестве командиров рот и преподавателей тактики, огневой и технической подготовки были выделены наиболее подготовленные, с боевым опытом офицеры из всех бригад и самоходно-артиллерийских полков.

Сбор из восьми рот, двух десятков учебных групп разместился в двух палаточных лагерях, расположенных в лесополосах и тщательно замаскированных. На устройство ушло три дня. В это же время я готовил к проведению занятий преподавателей, командиров рот и учебных групп.

Учеба началась с 15-го июня и закончилась: с командирами рот - 2-го июля, с первым набором командиров танков и отделений - 26-го июня, со вторым - 8-го июля. Этот период забрал у меня все дни и многие бессонные ночи.

- Нельзя же не спать все ночи, Геннадий Иванович, - говорил Тагиров, - изведете себя.

- Я отсыпаясь по воскресеньям. К тому же освободился от последней наклейки на рубцах, значит нагрузка - на пользу.

Сборы дважды посетил генерал Жданов. Первый раз он посмотрел два тактических занятия и занятие по выверке и пристрелке танкового оружия.

Каждое тактическое занятие повторялось. Первый раз подразделение (а оно формировалось из обучающихся) действовало, как сумеет.

- Да это разве штурм огневой точки? - возмутился комкор.

Мы с преподавателем сделали короткий разбор и потребовали повторить. Получилось неплохо.

- Вот это то, что надо! А первое - трата времени, - сказал генерал.

- Первое занятие очень нужно, товарищ генерал, - гнул я свое. - На нем совершается хорошее и плохое. Но если ошибок не будет - чему же учить? Как исправлять? В этом суть нашей методики. А командирам рот нужна тактика и методика тактики.

Нахмурившись, расставив ноги и опустив голову в раздумье, комкор промолчал. Но после просмотра наступления танкового и мотострелкового взводов он поободрился и с улыбкой сказал прибывшему с ним подполковнику Толубко:

- А знаете, Обатуров прав. Так и обучайте.

На занятии по выверке и пристрелке обучаемые командиры танков выполняли все операции сами. Когда дело дошло до пристрелки 85 мм пушек новых танков Т-34-85 снарядами на дальность 1200 м, он резко спросил:

- А кто разрешил расходовать снаряды?

- Начальник штаба корпуса.

- И сколько же?

- 54, по 18 на занятие или по шесть на танк.

- А разве завод не пристрелял пушки?

- Выверил по координатному плакату и привел к норме угол вылета стрельбой снарядами в тире на 200 м. На боевую дальность не пристреливал.

- А нужно ли это?

- Очень нужно. Пушки бьют по-разному при одной и той же установке прицела, что приведет к промахам, особенно опасным в танковом бою. Кроме того, после пристрелки не требуется вносить поправки на деривацию.

После первой серии из трех выстрелов комкор осмотрел щиты и убедился, что бой и неточный и разный, а один снаряд из девяти прошел в стороне от щита. После выверки прицелов по реальному бою стволов произвели вторую серию и определили средние точки попадания; они отклонились от точек наводки на 30-50 см.

- Пушки пристреляны, - доложил я. - Теперь пристреляем спаренные пулеметы, составим контрольные мишени на 100 м и вложим их в документацию танков. По ним в любой момент экипажи могут проверить, не сбились ли прицелы.

После второго осмотра щитов и доклада о завершении пристрелки, Владимир Иванович задумался и затем сказал:

- Да, надо бы именно так.

И обращаясь к построенным для разбора занятия группам командиров танков, спросил:

- Ну как тут вы учитесь? Нужно ли было вас собирать? Офицеры хором ответили:

- Хорошо учат! Сбор нужен!

Положительной чертой генерала Жданова было стремление дознаться до технических тонкостей вооружения и техники. И если он понял целесообразность того или другого мероприятия, оно будет проведено с непоколебимой настойчивостью.

По пути к машинам Толубко шепнул:

- Вчера был на сборе командиров батарей. Генерал возмущен низким качеством занятий. Будет приказ, накажет командующего артиллерией подполковника Махлина и начальника сбора.

- Разве ты, Володя, не уяснил еще, что Симон Юдович - придворный шут. Он не знает огонь артиллерии и никогда не осуществлял его массирования. Зато - партнер генерала по шахматам и всегда во время проигрывает. Взыскания он не получит.

И действительно: начальник артсбора был наказан, а С.Ю.Махлину было лишь "указано".

Второй раз Владимир Иванович прибыл на завершение сбора командиров рот. После моего краткого итогового доклада, он и эту категорию офицеров спросил:

- Есть ли польза от сбора?

- Есть, большая! - ответили командиры рот.

- Измотал вас Обатуров? Отпуск запросите?

- По делу, - со смехом отвечали офицеры.

- А, может, все-таки поблагодарим его?

- Конечно! Кто-то даже заплодировал.

И я получил в приказе первую благодарность за службу в корпусе, потому весьма памятную. Устно Танасчишин не раз благодарил, Жданов больше ругал.

После первого посещения комкор отдал приказ: во всех танковых и самоходно-артиллерийских частях выверить и пристрелять танковое оружие описанным выше способом, выводя в целях маскировки на полигоны одновременно не более танковой роты. При очередном моем докладе начальник штаба корпуса полковник Чиж сказал:

- Ну и подбросили вы работы бригадам. Жалуются.

- В бою скажут другое.

- Бесспорно.

23-го июня началось наступление четырех фронтов в Белоруссии и на юге Прибалтики. К 5-му июля в наших руках были Витебск, Орша, Могилев, Минск. Значит, может скоро начаться наступление на нашем фронте, а я - без должности. И когда 5-го июля вызвал командир корпуса и приказал принять штаб 13-й гвардейской мехбригады, радость моя была безгранична.

- С командованием фронта все решено. Приказ ждать не будем.

- Подполковник Аршинов назначается заместителем командира 14-й бригады. Сборы идут к концу, завершат без вас.

Представившись командиру бригады, в тот же день принял дела у Аршинова. Петр Михайлович не проявил неудовлетворенности перемещением.

- Я не в претензии, Геннадий Иванович. Вы тут старожил и не единожды вступали в командование. Эта должность принадлежит вам по праву.

До конца войны и еще в течение полутора лет после войны мы с Аршиновым соприкасались по службе и были в хороших взаимоотношениях.

После доклада комбригу о приеме должности и с его разрешения я представился начальнику штаба корпуса. Полковник Чиж сказал:

- Рад за вас, что вы снова в родной бригаде. Но поздравлять считаю неудобным: ведь ранение привело к тому, что вы потеряли должность командира бригады.

- И я рад, что снова в близкой мне воинской семье.

- Знаю вашу серьезность и хочу сказать, что полковник Троценко дважды просил Жданова назначить вас начальником штаба 13-й, хотя комкор всерьез рассматривал на эту же должность в 14-ю. Я поддержал Якова Ивановича в том, что Аршинов медлителен, не всегда озабочен, хотя и образованный офицер.

- Мой долг - оправдать доверие.

Изучая дислокацию бригады (она располагалась в землянках в районе семи населенных пунктов), познакомился с новыми командирами и политработниками. Произвели хорошее впечатление и легко установилось взаимопонимание с лицами командования 38-го гвардейского танкового полка. Вместо выбывших по ранению в Одесской операции командира и заместителя командира по политической части были назначены майоры Лысенко и Субботин. Оба с хорошим боевым опытом, они прибыли из резерва фронта после госпиталей. Они, а также заместитель командира майор Корякин, воевавший в полку с начала марта, отличались деловитостью, тесным контактом с экипажами и хорошо знали состояние полка.

В эти дни завершилось поступление на доукомплектование бригады людей, техники и вооружения. Из Одесской операции бригада вышла очень слабой. А к 20-му июля в бригаде впервые за последний год имелись полностью по штату вооружение, бронетанковая техника, 98% личного состава и 93% автомобилей. За счет

трофеев был создан резерв средств связи. Солдаты на пополнение прибыли, в основном, из Одесской и Николаевской областей.

- Из корпуса предупредили, что завтра прибывает около 80-ти человек якутов, - доложил 7-го июля гвардии капитан Иван Митрофанович Василенко, помощник начальника штаба по учету личного состава. - Как их распределить?

- Как всегда, познакомимся и решим. В стране неграмотных нет, к тому же это - сибиряки.

При ознакомлении оказалось, что прибывшие имеют образование от шести до девяти классов, безусловно владеют русским языком, достаточно рослые, крепкие и, главное, жаждут сражаться с фашистами. К распределению их мы подошли так же, как русских и украинцев; они попали в мотострелковые, артиллерийские и минометные подразделения. Ревностно учились и затем воевали, как все другие.

В итоге работы по комплектованию, бригада к началу операции предстала дружным многонациональным коллективом советских воинов из более, чем двадцати национальностей.

Конечно, самым значительным новшеством явилось поступление в корпус танков Т-34 с 85 мм танковой пушкой. Этими танками была полностью вооружена 36-я гвардейская танковая бригада и по одной роте в танковых полках мехбригад.

85 мм танковая пушка дала возможность пробивать броню новейших немецких танков "Пантера" и "Тигр" в лобовой части - на дальность до 1000 м, в бортовой - более 2000 м. Командирская башенка, расположенная сверху основной башни, дала командиру танка широкий обзор. В башне расположились три члена экипажа вместо двух. Будучи свободным от ведения огня, командир танка стал подлинным командиром экипажа.

- Нравится вам новый танк? - спросил я командира роты старшего лейтенанта И.К.Дубенкова, уже не первый раз побывав у него для изучения танка.

- Очень довольны мы вооружением и башней. Да и в управлении он легче, и горячего за броней стало больше.

- А вот мне стало одиноко, - шутя, проговорил механик-водитель. - В старой машине рядом сидел младший мехводитель-пулеметчик, а теперь я один, другие трое - в башне.

- Вы же всех нас слышите по переговорному устройству, - заметил командир роты.

- Конечно.

В борьбе с танками и штурмовыми орудиями противника наиболее эффективными явились самоходно-артиллерийские установки со 100 мм пушкой (СУ-100). Бронепробиваемость их снарядов была почти в два раза больше, чем 85 мм пушки. Ими был вооружен 292-й гвардейский средний самоходно-артиллерийский полк, наш сосед по дислокации. Как-то удалось мне заехать в этот полк и с разрешения командира гвардии подполковника С.К.Шахметова ознакомиться с машиной. Уезжая, с благодарностью думал о конструкторах и танкостроителях, что они своевременно дали нам - танкистам надежное оружие в борьбе с бронетехникой врага.

Отдельные роты бригады - разведывательная и автоматчиков, были перевооружены на импортные двухосные- хорошей проходимости и вооруженности бронетранспортеры, в положительных качествах которых мы вскоре убедились.

Бригадная артиллерия и инженерно-минная рота были "посажены" на трехосные высокопроходимые импортные тягачи "Студебеккер", выручавшие нас в периоды ненастья до конца войны. Мотострелковые роты и другие подразделения на 40-50% были обеспечены грузовиками "Форд-6". Основная же часть автотехники бригады была трофейной, многих марок, но отобранная с наименьшим износом, что нас вполне устраивало.

В зенитно-пулеметной роте еще с предыдущих двух операций стояли на вооружении вместо девяти пулеметов ДШК шесть 20 мм трофейных зенитных пушек швейцарской фирмы "Эрликон", эффективных при стрельбе не только по воздушным, но и по наземным целям. Для них мы имели семь боекомплектов снарядов.

Главным делом подразделений была боевая и политическая подготовка. Ее качество значительно возросло с возвращением командиров рот со сборов. С завершением комплектования личным составом, техникой и вооружением она не затихала все дни и особенно ночи. Значительное количество техники в целях маскировки выводилось только в ночное время.

В тактической подготовке наряду с главной тематикой, связанной с наступлением с ходу, впервые значительное место заняли темы прорыва обороны, насыщенной долговременными деревоземляными огневыми точками (ДЗОТ). Разведсведения, поступавшие из штаба фронта, говорили о том, что в глубине обороны противника, на второй и третьей полосах, имеются сильные опорные пункты с ДЗОТами, которые мог встретить корпус при вводе в прорыв.

Первые штабные тренировки и занятия штаба бригады со штабами полка, батальонов и артдивизиона показали слабую слаженность и, как следствие, невысокую оперативность штабов, низкое качество отработки боевых документов и неумелое использование радиосредств. С начальниками штабов пришлось индивидуально позаниматься. Уже к 1-му августа дело улучшилось.

В последней декаде июля командир и штаб корпуса провели со всеми бригадами командно-штабные учения с привлечением штабов полков, батальонов, дивизионов и частей усиления. Полки, батальоны обозначались взводами или ротами (батареями). Основными этапами были: марш на 20 км, атака с ходу противника, обороняющегося на промежуточном рубеже, преследование. На разборе генерал Жданов указал:

- Штабы показали себя удовлетворительно, а слаженность подразделений - недостаточная. Медленно проходят распоряжения и донесения по радио сверху вниз и снизу вверх. Скорость движения танков надо поднять. Займитесь, товарищи Троценко и Обатуров, этим.

Уже на следующий день после учения комбригу был доложен план учений усиленных мотострелковых батальонов и танкового полка.

- Как видите, товарищ полковник, в содержании тем основное место занимает устранение недостатков, указанных командиром корпуса, плюс то, что не было замечено: в экипажах действовали командиры и механики-водители, а командиры башен и заряжающие вместо решения задач "стрельбы" по реальным целям, были

пассажирами. Предлагается на учении танкового полка придать ему 1-й мотострелковый батальон без артбатареи, минометной и пулеметной рот.

- Согласен. Только сроки учений уплотним, одно учение последует за другим без пауз. Первым учением руковожу я. Помощник - Тагиров, вторым идете вы, помощник - Федоров, затем последнее батальонное учение под вашим руководством. Наконец, полковое - под моим руководством, совпадающее на последнем этапе с батальонным, - распорядился полковник Троценко.

После завершения учений тактические занятия заводов и рот (батарей) не прекращались. Но теперь появилось больше возможностей для стрельб и вождения.

- Учить стрелять на большие дальности и водить танки и БТР на максимальных скоростях - неоднократно требовал командир бригады. Проведение этого требования в жизнь штаб бригады проверял повседневно.

Не одной войной жили ратники на фронте. Как все нормальные люди, мы тянулись к музыке, песне, танцу. Естественно, что во всех соединениях и частях корпуса развернулась художественная самодеятельность. Нельзя было не видеть, как она благотворно действовала на людей, на их настроение, изгоняла скуку, отодвигала тоску по близким. Непосредственными организаторами самодеятельности были политработники.

В конце июля состоялся корпусный смотр-концерт, в присутствии командования корпуса. Я, как и многие другие, был удивлен и восхищен тем, как и бригада, и корпус в целом богаты талантами! Многие участники получили от командира бригады и командира корпуса ценные подарки.

К середине августа исполнилось четыре месяца с того времени, как корпус вышел в резерв фронта. В истории корпуса это был единственный по продолжительности перерыв в боевых действиях, хотя и насыщенный напряженной боевой учебкой. Его длительность содержала и отрицательный элемент. Ведь тем временем Красная Армия добивалась все новых и новых успехов. Все фронты северного и центрального участков советско-германской линии вооруженной борьбы продолжали движение вперед. С 13-го июля перешел в наступление 1-й Украинский фронт. Фронты же левого крыла, 2-й и 3-й, продолжали стоять в обороне; вместе с ними оставался в резерве и наш корпус. Воины в связи с этим недоумевали и выражали нетерпение.

Командир 1-го мотострелкового батальона гвардии капитан В.Д.Мозговой во время одного из докладов в конце первой декады августа говорил командиру бригады:

- Каждый день люди спрашивают, когда же будем наступать? Слабеет интерес к боевой подготовке у офицеров.

- Терпение! До времени никому из нас об этом не скажут, но думаю, что скоро. А чтобы ревностно учились, требуйте выполнения по всем предметам нормы: темп движения и атаки, точность наводки и выстрела на тренировках и так далее.

При проверке готовности к бою танков, их оружия и боеприпасов в одной из рот танкового полка командир танка меня спросил:

- Когда же пойдём наступать? Все фронты продвигаются, а мы стоим... При этом присутствовал заместитель командира полка по политической части майор В.Ф.Субботин.

- Прежде чем ответить, хочу вас спросить: а готовы ли вы бить врага?

- Конечно готовы! - почти хором ответили командир и механик-водитель.

- Проверим вашу готовность. Выкладывайте комплекты чистки и смазки пушки и пулемета.

Экипаж быстро это сделал.

- А где гильзоизвлекатель? Пыжи для чистки орудия после стрельбы? Щелочь для промывки стволов?

Младший лейтенант оробел, а командир башни сказал:

- Это мелочи, устраним.

- Мелочи? При интенсивной стрельбе оборвется в патроннике гильза, чем ее извлечете? Пулемет "замолчит" до конца боя. Не очищенный от нагара ствол орудия будет давать недолеты, а вражеский танк вас уничтожит.

Тут же через майора Субботина было дано распоряжение о тщательной проверке оружия, приборов стрельбы и наблюдения и средств обслуживания.

- Тотчас доложу, но не могу не покраснеть от стыда, - ответил Виктор Федорович.

Это - не частный случай беспечности молодых воинов там, где слаб контроль.

И все же мой поступок не был ответом на естественный вопрос офицера, уставшего ждать, когда позволят и дальше гнать врага с родной земли. Этим вопросом задавалось большинство гвардейцев.

2. Рассекающий удар

Наконец, длительный период доукомплектования и обучения кончился. Последняя его неделя стала уже подготовительным этапом боевых действий.

12-го августа командование бригад и отдельных полков было вызвано к командиру корпуса.

- То, что услышите - пока лишь для вас, подчиненных озадачите, когда разрешу, - с подъемом начал генерал-майор танковых войск Жданов. Его энтузиазм подействовал на нас воодушевляюще.

Прежде всего, мы были введены в обстановку. Начальник разведки корпуса гвардии подполковник В.Н.Ефремов подтвердил ранее полученные данные о наличии у противника трех полос обороны общей глубиной до 60 км, с наличием на каждой из них ДЗОТов. 3-му Украинскому фронту по-прежнему противостояла армейская группа Думитреску, включавшая наиболее сильную 6-ю армию, оборонявшую кишиневское направление, и 3-ю румынскую армию, прикрывавшую приморское направление.

Стык между армиями находился южнее Слободзеи Русской. На первой полосе против Кицканского плацдарма оборонялись три немецкие и две румынские пехотные дивизии.

- Из резервных дивизий главную силу и главную опасность для корпуса представляет 13-я танковая дивизия 6-й гитлеровской армии, располагающаяся в районе Опач, Манзырь. Она может ударить по правому флангу корпуса при вводе в прорыв.

Начальник оперативного отдела подполковник В.Ф.Толубко, оценивая местность, более подробно охарактеризовал Кицканский плацдарм, имевший ширину 18, глубину - от 6 до 10-ти км, охватывавший низинный, пойменный, в зна-

чительной части заболоченный участок правого берега в излучине Днестра. Противник занимал здесь господствующие высоты, далеко видел местность и реку, а наши войска располагались в пойме и на скатах этих высот. Из-за высокого уровня грунтовых вод оборонительные сооружения в большинстве своем были выполнены насыпными.

- Вот с этого полузаболоченного плацдарма, имеющего площадь всего лишь 170 кв. км, - сказал командир корпуса, -3-й Украинский фронт наносит главный удар силами 57-й и 37-й армии и частью сил 46-й армии в общем направлении Опач, Хуши. Он должен совместно с войсками 2-го Украинского фронта разгромить кишиневскую группировку противника и овладеть рубежом Леово, Тарутино, Молдавка. Наш корпус, составляя подвижную группу фронта, вводится в прорыв в полосе наступления 31-го гвардейского стрелкового корпуса 46-й армии с рубежа Фештелица, исключительно Слободзея Русская после прорыва общевойсковыми дивизиями первой полосы обороны и развивает успех в направлении Фештелица, Тарутино. В дальнейшем, при успешном продвижении войск 2-го Украинского фронта на юг, корпус наносит удар на северо-запад, в направлении Комрат, Леово и совместно с 7-м мехкорпусом (подвижной группой 37-й армии) замыкает кольцо окружения кишиневской группировки противника. При задержке войск 2-го УФ корпус продолжит развитие успеха в юго-западном направлении на Кагул, совместно с войсками 46-й армии окружит и осуществит разгром 3-й румынской армии.

Боевой порядок при вводе в прорыв - в два эшелона: в первом - механизированные бригады, во втором - танковая и приданная 5-я мотострелковая бригады. Боевые действия корпуса поддерживает 136-я штурмовая и прикрывает 288-я истребительная авиадивизия.

Затем командир корпуса поставил боевые задачи бригадам, родам войск и резервам.

Наша бригада получила на усиление 1961-й противотанковый артиллерийский полк (24 76 мм пушки), 1347-й зенитный артполк (19 37 мм зенитных орудий), 2-й дивизион 58-го гвардейского минометного полка (8 пусковых установок реактивных снарядов БМ-13), танковую роту Т-34-85 и 43-й бригады и роту 138-го отдельного саперного батальона. Она должна была, действуя на правом фланге корпуса, с выходом стрелковых частей на рубеж Ермоклия, Фештелица, Марьянка войти в прорыв и развить успех в направлении Александрень, Гофнунгсталь, Бородино. Ближайшей задачей являлся выход в район Александрень, последующей - овладение совместно с 14-й бригадой, входившей в прорыв левее, районом Березино, Тарутино, а к исходу дня - выход в район к юго-западу от Тарутино.

- Надо попросить вместо танковой роты 36-й танковой бригады придать нам роту СУ-100 292-го самоходно-артиллерийского полка, - тихо предложил я комбригу.

- Все ли вам, товарищи Троценко, Обатуров, ясно?

- Для начала все понятно... Вы усилили бригаду ротой танков с 85 мм пушками (10 единиц); я бы попросил вместо нее роту СУ-100 292 сап (5 самоходов со 100 мм пушками).

- Этот полк - мой резерв, дробить не буду. При докладе решения доложите подробно о составе сил для отражения контрудара 13-й фашистской танковой дивизии.

- Есть.

По возвращении в землянку полковник Троценко подосадовал:

- Жаль не дали СУ-100. Да хотя бы этот 292-й сап вели за нашей бригадой, а не в центре. Как вы, Обатурыч, думаете?

Подождав, пока выйдет Листухин, я ответил:

- Думаю, как вы, не хотел отвечать при Листухине.

- Понятно... Однако я вас втягиваю в ненужные рассуждения. Завтра с утра займемся решением, чтоб к вечеру, как приказано, доложить командиру корпуса.

Как было определено комкором, с утра 13-го августа комбриг дополнительно привлек к работе подполковника Тагирова (только что получившего очередное звание), майора Федорова и начальника разведки Ивана Тимофеевича Бабкина. Я уже был готов доложить наметки решения, сделанные ночью.

Было предложено при вводе в прорыв иметь передовой отряд (ПО) и главные силы в двухэшелонном построении: первый эшелон - 38-й гвардейский танковый полк с 1961-м иптап (без батареи), батареей 1347-го зенап, мотострелковой ротой и 1-й мотострелковый батальон с батареей 1347-го зенап, второй эшелон - 3-й мотострелковый батальон. ПО - 2-й мотострелковый батальон с батареями противотанкового и зенитного полков и взводом танков должен был прикрыть развертывание главных сил.

- А бригадная и приданная артиллерия? - спросил полковник Троценко.

- Продолжаю. Артиллерийский дивизион, минометный батальон и 2-й дивизион 58-го гвардейского минполка вести за 1-м эшелоном в готовности с ходу занять огневые позиции и поддержать огнем первый эшелон при развертывании и атаке. Рота 36-й танковой бригады включается в состав танкового полка, что позволит при отражении контрудара иметь 20 танков с 85 мм пушками.

Полковник Троценко подумал, переспросил кое о чем и сказал:

- Возьмем ваше предложение за основу, разрабатывайте решение в полном объеме. Доклад мне - в 15.00.

Две карты, пять таблиц, расчет марша в исходный район, расчет потребности в материальных средствах - все это нам с Федоровым и Бабкиным втроем пришлось разработать за три часа.

Вечером состоялся доклад решения на утверждение командиру корпуса. Он утвердил без существенных поправок. Просматривая таблицы соотношения сил и средств на рубеже ввода в прорыв и при отражении контрудара, генерал Жданов читал вслух:

- Личного состава 4700 человек, танков - 45, орудий 76 и 45 мм - 48, боевых машин РС - 8, минометов - 36, зенитных орудий 37 мм калибра - 19, 20 мм - 6. Какая сила! Сумеете ее использовать - вам честь, почет и слава!

- Старожилы говорят, что бригада от Сталинграда до этого района никогда не была так укомплектована, - заметил полковник Троценко. - А тут еще усиление: считай, два с половиной полка.

- Сложно будет нам при вводе в прорыв в считанные минуты найти и включить в бригаду приданную артиллерию, - высказал беспокойство я. - Ведь она участвует в прорыве обороны с 46-й армией.

- Обоснованная озабоченность, но этим будем заниматься и мы в корпусе... Ну, готовьтесь. Успеха вам! - сказал комкор, расставаясь.

В последующие дни велась непосредственная подготовка к действиям. И все это время сохранению в тайне предстоящих действий уделялось первостепенное внимание. Круг лиц, коим ставились боевые задачи, расширялся постепенно.

С этой же целью ограничивался численный состав групп офицеров в ходе рекогносцировок; они велись не параллельно, а последовательно; очередная группа работу не начинала, пока не заканчивала ее предыдущая. 14-го и в ночь на 15-е августа рекогносцировку провело командование бригады с офицерами штаба и командирами приданных артчастей; в течение следующих суток под руководством комбрига и начальника штаба - командование танкового полка, батальонов, артдивизиона и командиры танковых рот, и в том же объеме, что и бригадное звено, то есть до района огневых позиций артиллерии 31-го стрелкового корпуса; 16-го августа под руководством командиров батальонов и дивизиона - командиры рот и артбатарей, но только до исходного района, назначенного в больших фруктовых садах Слободзеи Русской, южнее церкви.

К нашему удовлетворению силами фронта и 46-й армии предназначенная для бригады насыпная дорога на плацдарме расширялась до пяти с половиной метров, а мост через реку Днестр был построен добротно.

Мы были одеты во все солдатское и с расстояния 4-х километров до нашего переднего края вели работу пешком. Вскоре ощутили привычное звучание фронта: редкие разрывы снарядов и мин и нечастые пулеметные очереди, посылаемые с обеих сторон. На запад и юг четко просматривался гребень высот, занятых немцами и румынами.

В точке, где уже шел подъем к гребню высот, полковник Троценко заслушал нескольких офицеров.

- Вот только отсюда возможно движение техники и артиллерии вне дороги, - с досадой докладывал комбригу капитан Н.Н.Семенов, бригадный инженер. - Будет сложно обходить застрявшие и неисправные машины.

- Сам вижу, - хмуро ответил полковник. - Не только болото препятствует, но и каналы от вынутаго на дорогу грунта, заполненные водой.

А меня память вернула в зиму 1942-1943 годов на Северо-западный фронт с его обширными болотами и дорогами-эстакадами.

- А что если, товарищ полковник, поведем, начиная с Днестра, все, что на колесах - в два ряда, а на гусеницах - в один ряд, - предложил я. - Длину колонны бригады сократим на 40% и на рубеж ввода в прорыв успеем.

- Я как раз, Обатурыч, обдумываю это. Будем так планировать, если комкор не запретит.

Переход корпуса в исходный район предусматривался по трем грунтовым маршрутам. Наш маршрут № 1 (правый) проходил от Карманово через населенные пункты Кардамычевка, Нейланд, Владимировка, Слободзея Русская. Его подготовка силами инженерно-минной роты бригады, саперного взвода танкового полка и

приданной 1-й роты 138-го сапбата началась с 15-го августа, причем в первые три дня работы велись лишь вечером и ночью. Капитан Семененко доложил командиру бригады вечером 18-го августа:

- Маршрут оборудован и провешен. Отремонтировано и усилено для пропуска танков четырнадцать и вновь построено восемь мостов, в том числе силами корпуса соответственно пять и три наиболее протяженных. Корпусной инженер полковник Г.Б.Куров нам хорошо помог.

- Вчерашний дождь испортил дорогу?

- Его и следа нет. Напротив, нарастающее движение машин нарушило травяной покров и прибавило пыли.

- Как думаете, авиаразведка противника не обнаружила ваши работы?

- Гарантировать нельзя, хотя днем работали только с половины дня 17-го, причем на мостах - только под масксетями, а готовые средние и большие мосты покрыли зеленой краской, мелкие - ветками.

Управлениями корпуса и бригады до половины дня 18-го августа, с привлечением командования и техслужб полков и батальонов, была проведена проверка готовности к маршу и бою бронетанковой и автомобильной техники, вооружения и боеприпасов и возимых запасов материальных средств.

Вновь подчеркну большую заботу о готовности техники командира корпуса и корпусных техслужб, деятельность которых он постоянно направлял. Неутомимый его помощник по техчасти инженер-подполковник Г.Р.Прагин обеспечил нас повышенным запасом ремкомплектов и усилил двумя бригадами 181-го ремонтно-восстановительного батальона корпуса.

18-го августа задачи на марш были доведены до всего личного состава. Как всегда, штаб бригады совместно с политотделом разработали памятки экипажам и водителям машин на марш и отдельно памятки экипажам, орудийным расчетам и мотострелковым отделениям на бой. Памятки были размножены с расчетом обеспечения всех мелких подразделений, а доставить в части и подразделения взялся политотдел.

В порядке контроля утром 19-го августа побывал в одной из танковых рот танкового полка. Проверив экипировку двух экипажей и готовность их танков, решил убедиться, как они знают рекомендации памятки на марш.

- Будет большая пыль да темная ночь. Как поведете в этих условиях танк? - спросил одного из механиков-водителей.

Нечеткий и неполный ответ насторожил меня, и я спросил командира роты, изучены ли памятки. Оказалось, что ни в роту, ни в полк в целом памятки не поступали.

Срочно вернувшись на КП и встретив помощника начальника политотдела по оргпарработе гвардии капитана П.В.Шияна, спросил, где памятки. Он ответил, что в канцелярии политотдела и что распоряжения о рассылке не было.

- Все памятки - сюда! - волнуясь, приказал я. - Пошлем с офицерами связи и посыльными.

Старший офицер связи капитан Жуховицкий быстро вызвал тех и других.

- В танковый полк повезу я, больше некому, - доложил он.

- Вы на КП сейчас одни, отлучаться нельзя. Вот капитан Шиян и отвезет.

В этот момент подошел подполковник Листухин и спросил:

- Куда вы посылаете моего помощника?

- Иван Яковлевич, памятки должны были попасть в подразделения еще вчера утром, а они лежат в политотделе. Не хватает офицера отвезти в танковый полк, вот я и хотел, чтобы это сделал товарищ Шиян.

- Я быстро отвезу, - доложил Листухину капитан.

- Не лезь не в свое дело! - И обращаясь ко мне, он резко и громко сказал:

- Ты дошел до того, что уже командуешь политотделом! Кто тебе дал такое право?

В это время подъехал полковник Троценко. Услышав громкий голос Листухина, он подошел взглянуть, в чем дело. Я доложил о памятках.

- И вы, Листухин, еще возмущаетесь? Штаб разработал и размножил памятки, вы брались их отправить в части и подразделения, но не сделали этого. Марш может начаться без изучения памяток - кому отвечать?

Получив разрешение, я отошел и организовал отправку памяток, а комбриг резко высказывал своему заместителю по политической части, видимо, все то, что у него накопилось.

После 12-го августа большое место в моей работе заняли вопросы управления бригадой. Было решено при выдвигании на рубеж ввода в прорыв, управлять с трех подвижных пунктов: ПКП во главе с командиром бригады; КП, возглавляемого мною, и тылового (ТПУ) во главе с помощником командира бригады по тылу гвардии подполковником Вологиным. А после ввода в прорыв ПКП и КП объединялись.

Три пункта потребовали иметь двойной по сравнению со штатом комплект радиостанций, что и было обеспечено заблаговременным обучением дополнительного числа радистов и радиотелеграфистов и подготовкой трофейных радиостанций. Удалось создать еще и резерв радиосредств.

- С командиром и штабом корпуса по линии ПКП и КП связь обеспечивается автомобильными и переносными радиостанциями, - докладывал начальник связи капитан Бейгельман. - Для связи с подчиненными создается две радиосети и два радионаправления комбрига на танковый полк и ПО. В полку и батальонах имеются резервные радиостанции.

- А как обеспечивается связь с артиллерией?

- Помимо включения станций приданных артчастей в радиосети командира и штаба бригады, организована радиосеть начальника артиллерии майора Н.Г.Лещенко. Создана также радиосеть начальника разведки.

Я не должен был расставаться с любимившейся в ходе учений радийной, с двумя ведущими осями машиной фирмы "Хорх", которая по величине была лишь несколько больше легковой. Она была оснащена немецкой станцией ВС-30 и нашей РБМ.

Марш начался прохождением исходного пункта в Кардамычевке, в 19 часов 40 минут, 19-го августа. Движение шло в полной темноте, без света фар, которые были закрыты телью или картоном; горели только синие огоньки задних фонарей. Было установлено полное радиомолчание, для чего радиостанции находились под пломбами. Управляли мы через офицеров связи и посыльных на броневиках или мотоциклах.

- Какая страшная пыль, а ветра нет! - досадовал на первой остановке полковник. - Пошлите передать командирам частей и подразделений, чтобы дистанции между машинами увеличили до 100 м.

- Это записано в памятках для всех водителей. Они вправе делать это сами, - ответил я.

- Да, конечно, а я забыл, хотя мой водитель вынужденно ведет машину за хвостом танкового полка с дистанцией не менее 100 м.

Несмотря на медленное движение, к четырем часам 20-го августа бригада полностью сосредоточилась в исходном районе. Около семи часов были доложены командиру бригады итоги марша:

- Отставших танков, БТР и тягачей с орудиями нет. В пути находится только четыре неисправных автомобиля и с ними автомастерская. Думаю, скоро подойдут.

Улыбнувшись, Яков Иванович сказал:

- Доброе начало!

И на этот раз, как потом мы убедились по захваченным документам штабов, противник не засек наш корпус. Более того, сосредоточение десятков дивизий, сотен танков и САУ поддержки пехоты и тысяч орудий, то есть готовящийся с плацдарма удар, он обнаружил за двое суток до наступления войск фронта - тогда, когда трудно принять радикальные меры противодействия.

Ровно в восемь часов 20-го августа началась артиллерийская и авиационная подготовка атаки. Тысячи орудий и минометов обрушили на позиции врага снаряды и мины одновременным залпом. Из укрытого места на опушке сада нам был виден гребень высот, обороняемых противником, мгновенно заблестевший множеством разрывов и вскоре покрывшийся пылью. Пошли над нами к позициям врага одна за другой волны штурмовиков, повыше - бомбардировщиков под прикрытием истребителей. Сотрясение обстреливаемой земли доходило до нас. Так продолжалось час сорок пять минут, после чего началась атака, и огонь был перенесен в глубину.

- Я такое за войну вижу первый раз! - с пафосом выразился Яков Иванович. - А вы?

- Пожалуй, раз десятый, но зрелище редкое, оно каждый раз неповторимо.

Первый раз за многие дни мы на 5 минут включили радиостанции и передали сигнал "Беседа", что означало приступить к постановке боевых задач всему личному составу, что и было выполнено к 17-ти часам. Одновременно до 19-ти часов была проведена рекогносцировка маршрута движения бригады от исходного района до переднего края стрелковых войск с командирами мотострелковых рот, батарей, командирами и мехводителями танков.

К 16-ти часам мы получили информацию о том, что 31-й гвардейский стрелковый корпус прорвал первую полосу обороны румын. Стало ясно, что операция идет по плану. А из информации, полученной в ходе марша, мы узнали, что этот корпус и его левый сосед - 37-й стрелковый корпус овладели важными узлами сопротивления Талмаз, Чобручи, Расковцы.

В 17 часов 15 минут по сигналу из штаба корпуса бригада выступила. Наш маршрут из трех назначенных корпусу, был правым. Соответственно, и мосты через Днестр и его старое русло были правыми; левее двигались 14-я и 15-я механизированные бригады.

После прохода танковым полком второго моста все подразделения получили с ПКП и КП сигнал перестроиться в две параллельные колонны каждому и двигаться в два ряда. Это оправдало себя. Хуже было другое: как не требовал штаб фронта от штабов 37-й и 46-й армий, а дороги для корпуса оказались не полностью свободными. Огромного труда стоило командирам частей и подразделений, да и всем нам на ПКП и КП освобождать путь от повозок, автомашин и даже неисправных танков, усиливавших стрелковые дивизии.

- Как там, в середине колонны? - запрашивал по радио полковник Троценко.

- Пробиваемся... по два километра в час.

- Не ослабляйте усилий.

- Может мне с парой офицеров прибыть к вам на ПКП?

- Нас тут хватает. Действуем вместе с Лысенко.

Двадцатикилометровый отрезок пути от Днестра до рубежа ввода в прорыв бригада преодолевала двенадцать часов и к семи часам 21-го августа, без опоздания подошла к рубежу ввода в прорыв 4 км северо-восточнее Фештелицы, а к восьми часам развернулась в предбоевой порядок. Ночная нервозность осталась позади. ПКП и КП объединились. Впереди в 1-1,5 км вели бой части 31-го стрелкового корпуса.

Мы с комбригом в бинокли изучали местность и положение частей противника и наших. Посланный вперед в один из стрелковых полков офицер связи доложил, что 4-я горнострелковая дивизия румын считается разгромленной. Тут подбежал капитан Бабкин:

- Разведгруппа из района к северу от Фештелицы доносит, что противник перед стрелковыми частями отходит. Правый разведдозор наблюдает выдвижение колонн танков и штурмовых орудий к Ермоклии и Фештелице с запада.

Мы вскинули бинокли. В указанном районе среди шлейфов пыли просматривались вражеские боевые машины.

- Это не все, - продолжал начальник разведки. - От начальника разведки корпуса есть сообщение, что южнее Фештелицы выдвигаются на север две колонны немецкой пехоты, а к Волонтировке - одна.

- Ясно. Пехота - не помеха, а вот 13-я танковая дивизия - теперь наш главный враг, - сказал полковник. - Хорошо уже то, что мы теперь знаем, где она.

В этот момент прибыли и представились командиры приданных противотанкового и зенитно-артиллерийского полков - майор Приходько и подполковник Васильев, и командир дивизиона реактивной артиллерии.

- Вот молодцы-то! И во время! - радостно воскликнул комбриг, пожимая им руки. - Обатурыч и вы, Лещенко, уточните им задачи и укажите районы огневых позиций.

Это было сделано тотчас.

Задумавшись и глядя то на карту, то на местность, командир бригады спросил:

- Ваши предложения?

- Прежде всего ПО без задержки выдвинуть как можно дальше вперед для прикрытия развертывания и перехода в атаку главных сил. С получением сигнала на ввод в прорыв танковым и противотанковым полками примерно с рубежа восточнее Ермоклия отразить контрудар 13-й гитлеровской танковой дивизии.

- Верно, но рубеж для отражения контрудара укажем попозже. Подавайте команды, а я доложу решение командиру корпуса.

Последний решение утвердил, а я со своим помощником по оперативной работе капитаном И.П.Ярцевым по двум радиостанциям передали распоряжения. Через несколько минут ПО двинулся вперед, с ходу развертываясь в боевой порядок.

В девять часов пять минут из района ПКП корпуса взлетел сноп разноцветных ракет, а по радио несколько раз прозвучало слово "Ласточка". Эти сигналы означали ввод в прорыв. С КП бригады в свою очередь пошли сигналы по радио, а по телефону был повторен корпусной сигнал "Ласточка", что энергично выполнила старшая телефонистка рядовая Е.С.Волкова. И бригада стремительно двинулась вперед, оставляя шлейфы пыли. КП тотчас двинулся за первым эшелоном, чтобы не выпустить из поля зрения его. В воздухе одновременно появились штурмовики Ил-2 136-й и нанесли удары по противнику. А со стороны последнего средка появлялись отдельные самолеты, быстро отгоняемые нашими истребителями. Следует заметить, что в течение всей операции в воздухе господствовала наша авиация.

В двух километрах северо-восточнее Фештелицы бригада подверглась огневому налету артиллерии, развернулась в боевой порядок и с ходу атаковала противника в Фештелице. Весь эпизод прошел организованно и четко, и полковник Троценко воскликнул:

- Отменно! Как на учении!

Противник поспешно отходил, но разведгруппа и ПО не теряли соприкосновения с ним.

Между тем колонны 13-й гитлеровской танковой дивизии вышли на рубеж Ермоклия и два километра южнее. Это село противник упорно оборонял против наступавшего нашего соседа справа - 195-й стрелковой дивизии. Напрашивался вывод: прикрываясь Ермоклией, 13-я дивизия нанесет контрудар по правому флангу нашего корпуса и по 195-й дивизии. А правый фланг - это мы, 13-я мехбригада.

Наблюдая в бинокль, полковник Троценко потребовал:

- Соединить меня по радио с майором Лысенко. - И пояснил: уточню рубеж для отражения контрудара.

- Лысенко у аппарата, - доложил радист.

- Я одиннадцатый. На рубеж юго-восточная окраина Ермоклия и южнее - отразить удар танков противника! Как поняли?

- Я четвертый. Понял, выполняю, - ответил командир танкового полка.

И танковый полк с 1961-м противотанковым полком и мотострелковой ротой двинулся на запад. В этом же направлении занял огневую позицию минометный батальон.

Я доложил на ПКП корпуса подполковнику Толубко о решении на отражение контрудара.

- Генерал согласен. С той же целью правее вас выдвигается 292-й полк СУ-100 Шахметова.

- Теперь перевес будет на нашей стороне, - заключил комбриг.

Бой с 13-й дивизией начался в одиннадцать часов и продолжался два часа. Наши танки и противотанковые пушки вели огонь с места. Шла острая огневая дуэль. До десяти танков и штурмовых орудий потерял в этой дуэли противник. И не только от огня танков: 120 мм рота минометного батальона под личной командой

комбата капитана Носкова зажгла два танка и одно штурмовое орудие. Отражение контрудара было поддержано также огнем дивизиона реактивной, двух дивизионов гаубичной артиллерии и штурмовиками Ил-2. Этот огонь остановил и прижал к земле следовавшую за танками фашистскую мотопехоту; понеся потери, она начала отходить в направлении Брезояя, а вслед за ней отошли и танки. Контрудар был отбит, несмотря на опоздание 292-го полка СУ-100.

В танковом полку особо отличились: командир башни гвардии сержант Н.А.Батраев и заряжающий гвардии младший сержант М.Г.Вовченко. Они метким огнем уничтожили два противотанковых орудия, семь повозок с боеприпасами и до 20-ти гитлеровцев. А также командир танка младший лейтенант А.Р.Король, танк которого сжег два штурмовых орудия.

Но и нам этот бой стоил потери трех танков сожженными и двух подбитыми, а в противотанковом полку - выхода из строя двух орудий.

После доклада комбрига об отражении контрудара, генерал Жданов сказал:

- Поздравляю с первым и очень важным успехом! Но главное - без задержки вперед.

Это и делалось. Во время отражения контрудара ПО и 1-й мотострелковый батальон продвигались вперед и к 13-ти часам находились в 2-х километрах западнее Фештелицы. Здесь они были обстреляны десятью штурмовыми орудиями. Этим орудиям противостоял ПО, во главе с командиром 2-го мотострелкового батальона капитаном Вахрушевым, поддержанный огнем минометного батальона. ПО смело атаковал противника, не спешивая с танков десант. Были подбиты два штурмовых орудия. Гитлеровцы не выдержали и начали отходить. Здесь вновь проявил мастерство командир минбатальона Носков, поражавший фашистов огнем высокой точности.

Но в ходе короткого преследования погиб храбрец - командир батальона капитан Вахрушев. Мы потеряли одного из лучших комбатов, всегда деятельного и безупречно исполнительного.

После отбития этой контратаки на флангах никто не сдерживал бригаду. Она устремилась вперед, двигаясь то в колоннах, то в предбоевом или боевом порядке в зависимости от сопротивления противника.

По донесению разведгруппы мы узнали, что из Симонешть навстречу нашей бригаде выдвигается до двух батальонов пехоты с артиллерией.

- Разгромим эту группировку встречным ударом, - предложили мы с Федоровым.

- Конечно, останавливаться не можем. Ставьте задачи. 1-й и 2-й мотострелковые батальоны - с фронта. Танковый полк с десантом в охват слева - такой маневр лишь в начале был похож на встречный бой. Через несколько минут гитлеровцы начали отходить, а затем бежать. К 15-ти часам Симонешть осталась позади, а мы взяли десятки пленных из полковой группы Драббе 384-й пехотной дивизии.

- Уже не дивизия, а группа, - заметил Троценко. - Не это их еще ждет.

Так бригада перешла к преследованию. По решению командира бригады был образован, вместо ПО, авангард, усиленный танками и противотанковой артиллерией - 1-й мотострелковый батальон, во главе с майором Мозговым (получившим это звание перед самым началом операции).

- Рота автоматчиков - на бронетранспортерах, ей самое время преследовать, двигаясь параллельно авангарду, - доложил я.

- А резерв? - спросил полковник.

- Есть второй эшелон, а в резерве остается рота ПТР.

- Разрешаю. А что у соседей?

- Правый сосед - 195-я стрелковая дивизия взяла Ермаклию, левый - 14-я мехбригада в трех-четыре километрах сзади справа, ведет бой в Марьяновке.

В ходе преследования бригада к 18-ти часам овладела Александренью, нанеся новый удар полковой группе Драббе. Здесь отличились рота автоматчиков во главе с командиром капитаном Василием Спиридоновичем Котовым и саперный взвод под командованием лейтенанта Сентемова, заставшие врасплох и перебившие экипажи нескольких штурмовых орудий.

Село Александрень входило в ближайшую задачу бригады; о ее выполнении полковник Троценко по радиации доложил командиру корпуса.

- Похвально! До конца суток жду доклада о выполнении последующей задачи, - оживленно, с подъемом закончил разговор генерал Жданов.

Начальника разведки капитана Бабкина я направил в разведгруппу.

- Теперь ее роль повышается: не только вести разведку, но и быстро сбивать подразделения прикрытия фашистов, что позволит вести бригаду в колоннах, в более высоком темпе.

И уже через полчаса Иван доложил, что РГ из Ново-Анновки выбила противника. То же случилось с прикрытием в Николаени.

А появление РГ, а затем и бригады у Гофнунгстали было полной неожиданностью для противника. Разведгруппа застала фашистов за ужином и выпивкой. Они опомнились и начали бежать лишь тогда, когда в 19 часов 15 минут первый эшелон бригады ворвался в центр села. Противник оставил более сотни трупов, до десяти орудий, свыше 30-ти автомашин, до 40 повозок, два самоходных орудия. Было взято более тридцати пленных. Лишь несколько десятков гитлеровцев ускользнуло в поле в кукурузу. Здесь завершился разгром полковой группы Драббе.

Измерив по карте пройденное от рубежа ввода в прорыв пространство, составившее 40 км, полковник Троценко спросил:

- Ну как, товарищи, наш темп?

- Редкий. Я не помню такого темпа с того момента, когда мы развивали успех на юге Донбасса более года тому назад, - ответил майор Федоров.

- Мы его еще нарастим. Уверенность в это вселяет то, что у противника здесь нет резервов и то, что наш левый сосед -14-я бригада - идет с нами на одной линии.

Ночью, к двум часам 22-го августа, по выходе к реке Чага, небольшой, но заболоченной, произошла некоторая задержка, так как танки вброд нельзя было пустить. Под прикрытием мотострелковых подразделений, занявших рубеж на глубине один километр западнее реки, небольшой мост был усилен для автомобилей, а рядом построен колейный мост для танков из перевозившихся мостовых элементов.

Это была темная августовская ночь при звездном небе без луны, наполовину закрытым облаками. Мы в эту ночь действовали без света фар, и в точках, где сооружались мосты, мелькали только вспышки лучей от огней командирских фонариков. Как всегда у капитана Семененко, работы шли слаженно, без шума и суеты.

В 3 часа 20 минут бригада начала переправляться, а в четыре двадцать при свете ракет атаковала противника в Бородино; он бежал, не оказав существенного сопротивления. Особо отличился механик-водитель танка гвардии старшина В.А.Бучнев; периодически освещая местность фарами, он обнаружил на окраине поселка противотанковое орудие и раздавил его. По его целеуказанию взвод танков уничтожил более двадцати убежавших гитлеровцев.

- Штаб ожидал в Бородино более сильного сопротивления, - докладывал я командиру бригады, - но ошибся. Видимо, оборона поселка Березино, где железнодорожная станция, противником создана у последнего.

- Пора бы получить что-то от разведки.

Вскоре помощник начальника разведки доложил радиogramму капитана Бабкина. Он доносил, что до батальона противника обороняет гребень в одном километре севернее Березине. На станции - шум паровозов и движение поездов.

Был рассвет. Легкая дымка висела над полями; ее прошивали трассы пулеметных очередей, посылаемых противником. Я наносил на карту решение и, поскольку многое сейчас зависело от артиллерии, подозвал майора Лещенко. Командир бригады посмотрел на мою карту, подозвал Федорова и Ярцева и приказал:

- Смотрите на карту. Атакуем в том порядке, в каком подошли колонны полка и батальонов. Начальник артиллерии, разверните минометный батальон, артиллерийский и реактивный дивизионы, как указано на карте начальника штаба. Офицерам штаба довести задачи до частей и подразделений. Огневой налет в 6 часов 20 минут, атака в 6.30.

Офицеры отправились выполнять указания комбрига.

- А вы, Обатурыч, организуйте перемещение КП в точку, помеченную вами на карте.

- Есть.

Это оказалась плоская высота, два километра севернее Березино, с которой хорошо были видны и поселок, и железнодорожная станция, и наши подразделения.

С открытием огня на станции загорелось несколько цистерн, а затем из вагонов начали выпрыгивать гитлеровцы и бежать в поселок. С началом нашей атаки оборонявшаяся в поле пехота тоже обратилась в бегство. К восьми часам поселок был очищен от противника. На сей раз оборонялись подразделения 153-й учебно-полевой дивизии, наспех переброшенные из района Бессарабки. Во время атаки в воздухе появилась группа фашистских истребителей "Мессершмидт-109", пытавшихся бомбить и обстреливать бригаду, но была отогнана огнем 1347 зенит.

На станции и в поселке бригада захватила крупные трофеи: эшелонов с боеприпасами, горючим и имуществом - 3, включавших около 150-ти груженых вагонов и цистерн, паровозов - 10, много переполненных складов. Гитлеровцы ничего не успели уничтожить. Было убито более сотни фашистов, более тридцати взято в плен.

В числе отличившихся в этом бою назову механика-водителя гвардии старшего сержанта И.П.Демченко. При его искусном маневрировании командир башни огнем поджег на станции цистерну, раздавил две автомашины с боеприпасами и несколькими гитлеровцами. А командир стрелкового отделения 2-го батальона

гвардии старшина М.И.Кусакин со своим отделением уничтожил семь и взял в плен четырех солдат противника.

О взятии Березино я доложил по радио начальнику оперативного отдела корпуса подполковнику Толубко. Он сообщил, что для удара по противнику в Тарутино с севера, то есть правее нашей бригады, вводится в бой второй эшелон - 36-я гвардейская танковая бригада. 14-я мехбригада, преследующая противника в пяти километрах северо-восточнее Красное, частью сил наносит удар с юга.

- Значит, Тарутино берем комбинированным ударом, - после моего доклада об информации Толубко, констатировал полковник Троценко.

- Да, так решил командир корпуса.

А в это время разведгруппа донесла, что не менее двух батальонов пехоты противника с тремя штурмовыми орудиями обороняют рубеж в 300-400 метрах северо-восточнее поселка; дивизион артиллерии - в полутора километрах юго-западнее Тарутино.

Бригада двумя параллельными колоннами двинулась в Тарутино.

- Танковому полку в направлении центра поселка, за ним 2-му и 1-му батальонам, 3-му батальону - на южную часть поселка. Огневые позиции артиллерии 1,5 км северо-восточнее поселка. Атака в 8 часов 40 минут, - быстро продиктовал решение командир бригады. - Об отдаче распоряжений доложить.

При четко работавшей радиосвязи, ее многоканальности, через четыре минуты задачи были доведены до всех исполнителей.

КП выдвинулся к обороне гитлеровцев на 1,2 км, на гребень, с которого обзор был великолепным. В 8.40, после огневого налета, бригада с ходу атаковала оборонявшихся фашистов. Танки, не спешивая десант, мотострелковые роты на автомашинах вслед за танками, противотанковые орудия на тягачах между ними, бронетранспортеры с автоматчиками - вся эта волна, ведя огонь с машин, смяла оборону противника и ворвалась в поселок. Мотострелковые подразделения спешили и прочесали поселок. Даже батарея противотанковых пушек 2-го батальона под командованием гвардии лейтенанта Антонова расстреливала бегущих по улицам фашистов. Орудие батареи 3-го батальона во главе с гвардии сержантом И.Н.Долгушиным уничтожило орудийный расчет, две автомашины и рассеяло до взвода пехоты.

К девяти с половиной часам 22-го августа бригада полностью очистила центральную часть поселка и вышла на его северо-западную окраину. Северную часть поселка освободила 36-я танковая бригада, а южную - батальон 14-й мехбригады.

В этом поселке было уничтожено бригадой до двухсот гитлеровцев, шесть орудий, три штурмовых орудия, до двух десятков автомашин, более 30-ти повозок. Она захватила десятки пленных, более 30-ти автомашин, четыре склада, много повозок с грузами, сотни единиц стрелкового оружия - считать все это не было времени.

Выполнена последующая задача, и мы ликовали. В радостном возбуждении доложил об этом полковник Троценко командиру корпуса.

- Поздравляю с успехом всю 13-ю! К сожалению, вы опоздали в Тарутино на четыре часа: ведь там до пяти часов находился штаб 6-й немецкой армии.

- Мы об этом не знали, но если бы и знали, то не успели бы.

- И я об этом узнал час назад по радиоперехвату и сообщению из штаба фронта.
- Какие будут указания? - спросил полковник.
- Ждите распоряжение.

Здесь вновь, как и в Новом Буге, мы прорвались к штабу этой армии; и вновь он поспешно бежал от нас.

Завершив в поселке бой, бригада построилась в колонны вдоль дороги на Кириет-Лунга. Нас хорошо встречали жители всех населенных пунктов, но общаться с ними мы не имели времени. А здесь, сделав остановку в ожидании новых распоряжений и используя ее для пополнения подразделений боеприпасами, горючим и приема пищи личным составом, мы попали в окружение сотен жителей, сбежавшихся к нам. Нас обнимали, дарили цветы, подносили фрукты, молоко.

Больше всего тронули меня слезы радости на лицах женщин...

В 1978-м году, попав в ходе командировки на Тарутинский полигон, я впервые после войны, то есть через 34 года побывал в Тарутино. Посмотрел экспозицию музея, с которым был уже связан письменно и высылал схемы и краткое описание боевых действий на территории района. Инициатором создания музея и его нештатным директором явился фронтовик, заведующий учебной частью средней школы Борис Васильевич Рипенко. После осмотра музея Борис Васильевич попросил:

- Было бы хорошо, если бы вы вспомнили и описали тот энтузиазм, с которым встречали вас мои земляки.

- Подумаю, - ответил я.

В Тарутино заночевал. И ночью вместо описания встречи сложил стихотворение, назвав его "Мое тарутинское утро". Приведу отрывок:

...Средь сотен возгласов счастливых,
Рукопожатий добрых рук,
И детской речи торопливой,
Мне говор женщин лег на слух:
"Свободы мы не ждали скорой,
Но вы пришли, родные, впору,
Побить, пожечь нас враг мог,
Да, видно, сам послал вас бог".
Немного слов, но слезы счастья.
Обильно падали из глаз.
Была та радость их прекрасна,
В очах сияла и не гасла,
Играла в каплях, как алмаз!.."

В связи с 40-летием освобождения в 1984-м году группа ветеранов корпуса, в которую входил и я, была приглашена в Тарутино. Неожиданно увидел на стене в музее выписанное крупным шрифтом, вырезанным из дерева, упомянутое стихотворение полностью. Заметив мой вопросительный взгляд, Борис Васильевич сказал:

- А знаете, Геннадий Иванович, ваше стихотворное воспоминание передает самую суть тех событий. Как видите, у него и людей больше.

"Может быть", - подумал я...

С овладением поселком Тарутино, отстоявшим от рубежа ввода в прорыв на 60 км, фронт обороны противника оказался расколотым на две части. Между 6-й немецкой и 3-й румынской армиями был вбит глубокий клин. 46-я армия получила возможность выйти в тыл 3-й румынской армии и окружить ее. Это в действительности и произошло: 24-го августа окруженные ее войска капитулировали.

К одиннадцати часам бригада изготовилась к дальнейшим действиям. Чуть раньше прибыл заместитель командира корпуса генерал-майор танковых войск Савва Калистратович Потехин. Заслушав комбрига о положении и состоянии бригады, спросил:

- Новую задачу бригада получила?

- Нет. Командир корпуса приказал ждать распоряжений, - ответил полковник Троценко.

- Штаб корпуса задерживается, но я в курсе дела. Давайте, Обатуров, карту, покажу вам направление дальнейших действий.

И он прочертил красный пунктир в направлении Твардица, Бешгиоз, Баурчи, Казаклия, Софиевка (35 км юго-западнее Чадыр-Лунга) , подчеркнув, что в Софиевку следует выйти к исходу дня.

- Как будете готовы, так - вперед.

- А совпадет то, что вы изобразили с ожидаемым боевым распоряжением командира корпуса, - с сомнением спросил полковник Троценко.

- В целом совпадет, а детали исправите в ходе движения. Из боевого распоряжения узнаете и о соседях.

- Выполняем, - решительно сказал комбриг. - Ко мне командиров полков и батальонов.

После постановки боевых задач полкам и батальонам бригада продолжила свои действия. Впереди шел ПО - 38-й гвардейский танковый полк с 1-м мотострелковым батальоном, усиленный батареями противотанкового и зенитного полков, за ним, в голове главных сил - КП.

В 13-ть часов на повороте от развилки дорог, идущих на Кириет-Лунга и Твардица, танковый полк и КП подверглись удару группы штурмовиков "Фокке-Вульф-190А". Прицельно отбомбить помешал огонь зенитных орудий и сымитированное дымшашками "загорание" танков, проведенное рассредоточившимся полком. Одному из самолетов все же удалось спикировать на рассредоточившуюся колонну КП. Следовавший на "Виллисе" за командиром бригады генерал Потехин после рассредоточения лег под свою машину.

- Так нельзя! - крикнул я генералу, отбегая от машин в поле. - Машина - мишень, опасно!

Но генерал остался под машиной, и одна из сброшенных пикирующим самолетом бомб взорвалась вблизи его машины. Машину взрывом изрешетило и отбросило, а Савва Калистратович получил смертельное ранение. Врачи спасти его не смогли.

Так не стало боевого генерала, коммуниста, прошедшего три войны. Он отдал жизнь за свободу и счастье Родины. Его гибель была для нас неожиданной и тяжелой утратой. Он похоронен в Одессе.

Во время этого налета был ранен командир 38-го танкового полка майор Лысенко. Во временное командование полком вступил майор Корякин.

Бригаде в этот день не пришлось развертывать свои силы. Последовательно овладевая населенными пунктами: Твардица - в 16 часов, Бешгиоз - в 16.30, Гайдар - в 18, Баурчи - в 20, она совершала атаку только разведгруппой, которую по-прежнему возглавлял гвардии капитан Бабкин. Охранные, резервные и тыловые подразделения, встречавшиеся на нашем пути, оказывали слабое сопротивление. Пленные румыны, как и в предшествующие дни, после изъятия оружия, под командованием их офицеров направлялись в тыл советских войск на сборные пункты, а пленные гитлеровцы отдавались под охрану местных жителей, вооружавшихся трофейным оружием, до прибытия эвакуационных советских подразделений. Для нас при глубокой боевой задаче каждый воин был дорог, растрачивать силы мы не могли. Как потом выяснилось, молдаване точно выполнили наши поручения.

Так вскоре бригада оторвалась от главных сил корпуса на 40 км. Связь нарушилась: радиостанции КП корпуса нас слышали, а мы их - нет. Вместо того, чтобы развивать успех на Комрат, Леово, совместно с 36-й бригадой овладеть городом Комрат, бригада оказалась на направлении, не соответствовавшем уточненной задаче корпуса, а именно - выйти на рубеж Леуушены, Леово, Фелчиу и образовать внутренний фронт окружения кишиневской группировки.

После короткой остановки в Баурчи был совершен поворот на юг, на Казаклию. И тут, в 21 час, наш КП догнал офицер связи штаба корпуса капитан Г.П.Митичан. Остановив колонну штаба, я прочел боевое распоряжение и... вздрогнул: командир корпуса требовал повернуть бригаду на север и к утру 23-го августа выйти в район Дезгинже, Топал, 18-20 км севернее Комрата.

(В книге В.Ф.Толубко и Н.И.Барышева "На южном фланге", с. 193 эпизод гибели генерал-майора танковых войск С.К.Потехина изложен неточно).

- Сергей, - приказал я Федорову, - передайте команду всем частям и подразделениям "Стой!". Дистанции между ними уменьшить до одного километра.

- Выполняю! - ответил он.

Затем нанес назначенный район, наметил и измерил маршрут и доложил комбригу. Он прочел распоряжение, посмотрел на карту, и, бледнея, проговорил:

- Безобразие! В штабе корпуса приняли два наших радиодонесения еще до 15-ти часов, а офицера шлют через шесть часов, когда мы ушли в сторону на 40 км. Мало того, что опоздали распорядиться до 13 -ти часов, так еще промедлили исправить грубую ошибку Потехина.

- Командир корпуса сомневается, мог ли Потехин направить в сторону Кагула вместо Комрата? - спросил Митичан.

- Вот карта, товарищ Митичан, на которой направление и конечный пункт для бригады нанесены Потехиным, - подавая карту, резко сказал я.

- Можно ее взять?

- На ней - обстановка за день. Перенесите, нарисованное Потехиным, на свою карту.

Митичан это сделал.

- Где теперь другие бригады корпуса? - спросил я Мити-чана.

- 36-я ведет бой в Комрате, другие - за ней.

"Итак, корпус на линии Комрат, Чадыр-Лунга уже в тылу 6-й немецкой армии. Поторопимся на Прут!" - подбадривал я мысленно себя, остро переживая за бессмысленно совершенный "крюк" в 85 км.

Вспоминая выход корпуса в район Комрат, Чадыр-Лунга через 12 лет, командующий группой армии "Южная Украина" генерал-полковник Ганс Фриснер писал: "... весь наш оперативный замысел был расстроен противником". Он имел в виду решение на отвод 6-й армии на западный берег реки Прут.

(В той же книге В.Ф.Толубко, Н.И.Барышева, с. 173 необоснованно утверждается, что приказ о развитии наступления в направлении Комрата перепутали радисты бригады).

- Какое расстояние отсюда до Дезгинже? - спросил меня командир бригады.

- 56 км с преодолением дважды заболоченной речки Лунгуци.

- Через 10 минут доложить расчет. Построение колонны - прежнее.

Я приказал помощнику по оперативной работе и бригадному инженеру:

- Товарищ Ярцев, возьмите резерв разведки, команду регулирования от роты ПТР и через 10 минут вперед, по новому маршруту. За вами капитан Семененко с отрядом обеспечения движения. В населенных пунктах безусловно есть противник. Действуйте осмотрительно, но дерзко, как это делает Бабкин.

Тем временем майор Федоров сделал расчет выполнения поставленной задачи, по которому бригада должна была к пяти часам 23-го августа овладеть Дезгинже.

- Не в пять, а в четыре надо взять Дезгинже, - поправил командир бригады. - Доводите задачи до частей и подразделений.

После разворота в обратном направлении комбриг и я все время подгоняли полки и батальоны. Разведгруппа во главе с капитаном Ярцевым действовала быстро: небольшие команды фашистов разбежались из населенных пунктов. Кстати, всю эту ночь бригада двигалась со светом фар, что в свою очередь производило на врага внушительное впечатление: сотни пар горящих фар глубиной на десятки километров. Ни ПО, ни главные силы не пришлось развертывать. Томай прошли в два часа, Ферапонтьевку - в два пятнадцать, Комрат, освобожденный 36-й танковой бригадой, - в три часа.

Позже, из информации штаба корпуса мы узнали, что в Комрате 36-я гвардейская танковая бригада настигла отошедший из Тарутино штаб 6-й немецкой армии, прикрывавшийся 1-й кавдивизией румын и дивизионом штурмовых орудий "Фердинанд". В скоротечном бою, захватившем ночь, бригада разгромила кавдивизию, взяла сотни пленных и сожгла несколько штурмовых орудий. Фашистский армейский штаб во главе с командующим генералом артиллерии Фреттер-Пико бежал за реку Прут. Командование войсками армии восточнее Прута Фреттер-Пико возложил на командира 30-го армейского корпуса генерала Постеля.

Не задерживаясь в городе, бригада двинулась к станции Комрат, в семи километрах к северу от города, куда уже вышла разведгруппа. Теперь бригада сравнялась с другими соединениями корпуса.

- Станцию и поселок Буджак обороняют до двух пехотных батальонов с артиллерией, - доложил капитан Ярцев. - Окопы у фрицев - пока для стрельбы лежат. Танки и противотанковая артиллерия пока не обнаружены.

Учитывая, что противник оборону подготовил и требуется точный огонь артиллерии, командир бригады решил атаковать утром, в 7 часов 30 минут, после разведки целей и подготовки по ним артиллерийского и минометного огня.

В назначенное время, после огневого налета артиллерии и минометов, танковый полк и два мотострелковых батальона стремительно атаковали, охватывая обороняющихся гитлеровцев с востока и запада. Враг после короткого сопротивления обратился в бегство в северном направлении, потеряв убитыми свыше 200 человек и пленными - свыше 300, орудий - 3. Бригадой захвачено: паровозов - 8, цистерн с горючим - 6, вагонов с продовольствием и другим имуществом - 150, складов с боеприпасами, вооружением и горючим - 8.

В числе отличившихся в бою за овладение станцией назыву командира отделения роты противотанковых ружей, гвардии сержанта И.Т.Карпенко, уничтожившего трех гитлеровцев при попытке поджечь вагоны; фельдшера разведроты гвардии старшину В.Г.Зудина, при отходе противника от станции огнем пулемета бронетранспортера уничтожившего несколько солдат и взявшего в плен семь человек.

В ходе боя было установлено, что в районе поселка и станции оборонялись подразделения 384-й пехотной дивизии гитлеровцев, отходивших на запад для обороны западного берега реки Прут.

- Что-то еще наскребли в этой дивизии для обороны. Но факт отвода говорит о том, что надо торопиться с окружением, - как бы думая вслух, говорил полковник Троценко. Полученные сведения были тотчас доложены в штаб корпуса.

Части и подразделения бригады без задержки двинулись на Дезгинже и к десяти с половиной часам овладели этим селом. Здесь повторилось то же, что и при атаке противника в Буджаке.

Но как не дорого время, а нам требовалась остановка для пополнения горючим и боеприпасами, поэтому бригада возобновила движение в 14-ть часов. А в 13-ть она получила уточненную задачу: не позже 16-ти часов выйти в район Троица, Вознесены, Саратены, Ковырлуй, Фрумушика, занять оборону фронтом на северо-восток и не допустить прорыва к переправам в Леово и Фелчиу через обороняемый район фашистских войск.

Уже к 15-ти часам разведгруппа, ПО и КП вышли в Ковырлуй, а к 16-ти вся бригада была в этом селе и деревне Фрумушика, а в Троице, Вознесенах и Саратенах - разведдозоры.

Из информации штаба корпуса и радиообмена с соседями к концу дня штаб бригады знал обстановку достаточно широко. В 22 часа она была доложена командиру бригады.

- 14-я гвардейская мехбригада в 16-ть часов передовым отрядом, а в 18-ть часов - главными силами атаковала гитлеровцев, обороняющих город Леово с действующей там мостовой переправой через реку Прут. Обе попытки были безуспешными.

пешными, но в Леово противник (пехота и до тридцати штурмовых орудий и танков) бригадой блокирован. 62-й мотоциклетный батальон к 17-ти часам с боем вышел к мостовой переправе в Фелчиу, отбросив противника за реку. 36-я гвардейская танковая бригада - в Томай, 15-я гвардейская мехбригада в движении в Минжир, где она должна занять оборону.

- Что известно о соседях? - спросил полковник.

- Сосед слева - 7-й мехкорпус одним из ПО к исходу дня вышел к переправе в Леушени, а ПО 6-го гвардейского стрелкового корпуса 37-й армии - к переправе в Сарата-Розешь. Здесь же 138-й саперный батальон корпуса минирует подходы к переправе. На западном берегу Прута 18-й танковый корпус 2-го Украинского фронта вышел к городу Хуши.

- Получается, что на конец сегодняшнего дня перехвачены все пути отхода кишиневской группировки врага за реку Прут.

- Судя по карте - именно так.

Тогда, естественно, до бригадного звена командования доводились те разведданные из решений и действий гитлеровского командования, которые влияли на бригадные решения. Поэтому лишь в послевоенное время мне стали известны явно запоздалые распоряжения командования группы армий "Южная Украина" и 6-й армии. Так, командующий группой армии Ганс Фриснер в пять с половиной часов 22-го августа отдал приказ на отход немецких войск за реку Прут с наступлением темноты. Однако к этому самому "наступлению темноты" наш корпус был в районе Комрата, в тылу 6-й армии, на 50 км от линии фронта, а 7-й мехкорпус - на 30-ть км. 23-го же августа оба корпуса вышли в тыл этой армии уже на 60 км. И распоряжения, и действия были явно запоздалыми.

3. Возмездие

Вернусь к моменту, когда бригада вошла в Ковырлуй. Обстановка требовала быстрого решения на оборону и скорых действий частей и подразделений.

Развернув карту на капоте "Виллиса", мы с Федоровым, прежде всего, стали изучать местность, чтобы выбрать передний край. Рельеф центра и юга Молдавии неповторим по своему строению. Почти параллельно тянутся один рядом с другим с севера на юг хребты и гребни, между которыми текут речки и ручьи, как правило, пересыхающие во второй половине лета.

Вот и в назначенном нам для обороны районе карта показывала три гребня: два - восточнее пунктов Ковырлуй, Фрумушика, один - западнее. Но самым удобным для обороны, с плоскими высотами был средний, 1,5-2 км северо-восточнее Фрумушики и Ковырлуя. Северо-восточные скаты этого хребта - более отлогие и протяженные, а видимость с гребня представлялась значительной. Хребет же восточнее деревень Саратени, Вознесены на карте читался как более узкий, более острый, по высоте - ниже, а обзор с него на восток не превышал 700-800 м.

С учетом изложенной выше характеристики мы выбрали передний край по северо-восточным скатам среднего гребня, изобразили построение обороны, и я доложил комбригу.

- Значит, Вознесены, Саратени и Колибабовку не оборонять? - был первый вопрос полковника.

- Да, восточнее их позиции неудобные, с ограниченным обзором и обстрелом в сторону противника.

- И боевой порядок в один эшелон?

- Ширина участка обороны 11-ть км вынуждает к этому.

- Берем это за основу, а рекогносцировка подскажет и поправки, и детали.

Два моих помощника и три офицера связи, на карты которых были нанесены районы обороны соответствующих частей и подразделений, отправились доводить задачи до исполнителей с указанием без задержки вывести в назначенные районы подразделения и начать рекогносцировку.

Рекогносцировка подтвердила целесообразность избранного построения обороны. С переднего края мы видели в сторону противника от 1,5 до 4-х км, тогда как со стороны противника был виден только передний край и гребень обороняемых высот; глубина обороны оказалась совершенно скрытой.

Комбриг со мной и группой офицеров штаба последовательно изучил позиции танкового полка, батальонов и артиллерии, места КП и НП, заслушал и на местности утвердил решения подчиненных на оборону. Он на месте назначенного НП (высота 216,6) подвел итог.

- И участок обороны, и позиции - очень удачные.

После уточнений решение командира бригады свелось к следующему:

- оборонять названный выше рубеж, имея боевой порядок в один эшелон при наличии резерва. Основные усилия сосредоточить на левом фланге;

- в первом эшелоне иметь мотострелковые батальоны, усиленные каждой батареей 1961-го противотанкового полка;

- резерв - из двух частей: 38-й гвардейский танковый полк (без роты) на северной окраине Ковырлуя в готовности к нанесению контратак в южном, восточном и северо-восточном направлениях; рота автоматчиков и рота ПТР во главе с командиром роты автоматчиков;

- огневые позиции артиллерии - восточная и северо-восточная окраины Ковырлуя, высоты западнее его и Фрумушки; при этом 2-му дивизиону 58-го гвардейского минполка реактивных установок подготовить маневр одной батареи для стрельбы прямой наводкой;

- танки одной роты использовать как огневые точки в районах обороны 3-го и 1-го батальонов;

- боевое охранение на рубеже 1 км южнее Фрумушки, 500 м западнее Троицы, Вознесены, Саратени.

До наступления темноты все подразделения бригады знали задачи и без промедления приступили к инженерным работам, а утром организовали огонь. Людям не требовалось много слов: каждый гвардеец понимал, что на него навалится большая вражеская сила, ведя бой насмерть, и надо подготовиться к этому. И 24-го августа, как и приказал командир бригады, к 10-ти часам оборона с окопами полного профиля была готова.

Сразу после рекогносцировки, около 20-ти часов, полковник Троценко был вызван к командиру корпуса на КП в село Томай. Он убыл в сопровождении двух БТР с офицером связи Жуховицким, взяв карту с решением на оборону, сведения о боевом и численном составе и потерях. Прошел всего час, и он вернулся, хмурый и взволнованный.

- Я думал, что вызван на доклад по организации обороны, но оказалось другое. Генерал Жданов грубо выругал меня, не считаясь с моим званием, за то, что я выполнил распоряжение покойного Потехина о движении бригады на юго-запад. Под конец я не выдержал и сказал ему: "Я полковник, и впредь кричать на себя не позволю". Вот так, Обатурыч.

Считая недоразумение с распоряжением Потехина уже в прошлом, я в свою очередь поразился случившимся, и в мыслях принял обвинения Жданова и на свой счет.

Поскольку противник не мешал, то весь день 24-го августа и ночь на 25-е бригада совершенствовала оборону, соединяя ячейки в траншеи с ходами сообщения. Была подготовлена проводная связь с зарытыми в землю проводами.

Наш сосед слева, 15-я гвардейская мехбригада, заняла оборону 1 км восточнее Минжир, западнее Валя-Флоаря к 19-ти часам этого дня. В промежуток между ней и нашей бригадой, шириной шесть километров, к вечеру двумя полками вышла 195-я стрелковая дивизия, имея рядом с нами свой 604-й стрелковый полк. В его ротах, как мы узнали в ходе взаимной информации, было всего по 30-40 человек. Один полк этой дивизии перешел к обороне в районе Казанжика.

36-я гвардейская танковая бригада заняла оборону во втором эшелоне корпуса на рубеже 2-2,5 км севернее села Томай. 14-я гвардейская мехбригада за день овладела южной частью города Леово. И только к трем с половиной часам 25-го августа совместно с 57-м гвардейским стрелковым полком 20-й гвардейской стрелковой дивизии она овладела городом и мостом через реку Прут. И вскоре состоялась встреча ее воинов с ПО 18-го танкового корпуса 2-го Украинского фронта -110-й танковой бригадой.

7-й механизированный корпус занял рубеж обороны 8 км восточнее Карпинен и далее на север; его 41-я танковая бригада стала левым соседом 15-й мехбригады.

К концу дня эти данные были доложены командиру бригады. При этом я передал подчеркнутую в разговоре со мной начальником штаба корпуса полковником Чижом мысль о том, что сегодня завершено образование сплошного внутреннего фронта окружения.

- А какой противник перед нами? - спросил полковник у начальника разведки.

- Разведдозоры следят за противником все время, как сюда бригада вышла. С рубежа Князевка, Орак они отошли на рубеж боевого охранения. По показаниям пленных, захваченных в разных местах, в районе Саратени, Орак, Чадыр, Колибабовка - несколько дивизий из 30-го и 52-го армейского корпусов.

- Группировка крупная, пойдет на все, чтобы вырваться. Надо, начальник штаба, срочно дать указания о готовности к отражению наступления ночью.

- В 18-ть часов послано распоряжение: офицерам не покидать позиций; 50% личного состава бодрствовать и дежурить у оружия; на подступах к переднему краю выставить сторожевые посты и секреты; посыльных и телефонистов по линиям посылать только парами; движение машин ночью -только с разрешения командиров полков и батальонов; гранаты обороняющимся выдать и в глубине обороны, включая артиллеристов и минометчиков. На КП и НП офицеры также разделены на две, поочередно дежурящие смены.

- Это хорошо. Осталось проверить исполнение.

- Приступаем.

Подполковник Листухин добавил:

- Такой же режим установлен для политработников.

- Само собой, но только, чтоб совместно со штабами. Поступившее из штаба корпуса и прозвучавшее по радио сообщение о том, что 23-го августа в Бухаресте началось антифашистское народное восстание, руководимое Румынской компартией, что король сместил фашистское правительство Антонеску, арестовал последнего, и что король объявил о прекращении военных действий против антифашистской коалиции и принятии условий перемирия, предложенных Советским правительством еще 12-го апреля, - воодушевило весь личный состав. Гитлер потерял уже второго, считавшегося верным, союзника.

Во время проверки ночью выполнения распоряжения о готовности к отражению внезапного удара противника в 1-м батальоне, не мог не заметить особую уверенность и еще большую старательность в действиях бойцов. А командир пулеметного расчета, старший сержант лет 35-ти, на мой вопрос о событиях в Румынии, отметил:

- Конечно, весть радостная. Вроде бы на одну победу у нас больше и на одного врага меньше. Гитлер потерял румынскую армию, но не территорию Румынии. Так что нам еще до Германии наступать да наступать.

- Зрело и широко мыслит закаленный воин, - сказал я.

- В батальоне все так думают, - заметил майор Мозговой. По возвращении на КП майор Федоров сказал, что нужно доложить комбригу на подпись боевой приказ на оборону. Из темноты появился старший писарь оперативной части гвардии старшина Матвей Афанасьевич Павлов. Привыкший схватывать тактическую суть мысли начальников, он быстро записывал и печатал приказы и распоряжения. Обычно требовались небольшие поправки.

- Матвей, как всегда, во время! - прочтя и подписав приказ, похвалил я его.

Был Павлов и смел, часто брал сведения из подразделений непосредственно в бою, имея неизменно ручной пулемет. При атаке противника на станции Комрат Павлову пришлось вступить в бой во время посещения 2-го батальона; огнем из пулемета он уничтожил более десяти вражеских солдат.

Всю ночь мы находились в напряженном ожидании, Передний край освещался ракетами. Разведдозоры докладывали о подходе крупных сил пехоты, артиллерии, небольшого числа танков и штурмовых орудий к участку нашей обороны. Уже был слышен шум множества моторов, ржание лошадей и отдельные выстрелы орудий и минометов, занимавших огневые позиции.

Наступил день 25-го августа - день первых попыток гитлеровских войск вырваться из окружения. Накануне крупные силы гитлеровцев предприняли несколько атак против 7-го мехкорпуса в направлении Карпинены, Леушены, Лапушна, Немчень, но были отброшены. После этого, как в последующие дни показали пленные офицеры, командир 30-го армейского корпуса генерал Постель, возглавлявший окруженную группировку, решил главный удар при прорыве из окружения нанести в юго-западном направлении для переправы через Прут на участке Сарата - Розешь, Фелчиу.

В девять часов усиленный пехотный батальон фашистов с автомашинами и обозом атаковал мотострелковую роту лейтенанта Войнаровского (из 1-го батальона). Враг был подпущен на близкое расстояние, по нему внезапно открыли

интенсивный огонь рота, зенитная батарея и пусковая установка реактивных снарядов - прямой наводкой и минометная рота. Батальон был почти полностью уничтожен, остатки взяты в плен.

- Молодцы! - передал похвалу полковник Троценко. - Так действовать и дальше!

В двенадцать часов фашисты силами до двух пехотных дивизий перешли в наступление, нанося главный удар по правому флангу бригады, и примерно силами полутора дивизий - на позиции 195-й стрелковой дивизии. Они двигались плотными группировками, имея впереди в одной линии танки и штурмовые орудия, за ними пехоту в трех, следующих, одна за другой, цепях. Еще в 1,5-2 километрах от переднего края противник нес большие потери от массированного огня артиллерии и ударов штурмовиков Ил-2 136-й штурмовой авиадивизии.

Оборонявшимся мотострелковым ротам, артиллерии и танкам, подготовленным для стрельбы прямой наводкой, было приказано без команды (сигнала) огонь не открывать.

Полковник Троценко держал в руках две трубки - телефонную и от радиостанции - и повторял:

- Выдержка! Открывать огонь по моей команде! И переспрашивал меня и Лещенко:

- Танковый полк - на связи, готов? Автоматчики готовы? Прямая наводка готова?

- Все готовы! - отвечали мы с Николаем Григорьевичем. С подходом танков и пехоты к переднему краю на 300-

400 метров по команде комбрига был открыт огонь всех огневых средств. Боевой порядок гитлеровцев, еще по инерции продвинувшийся метров на 100, нарушился, наступление потеряло организованность и вскоре все смешалось в грохоте и пыли разрывов. Горела техника, взлетали в воздух повозки, падали люди и кони.

Командир бригады смотрел то в поле, то вопросительно на меня, и я понял.

- Пора контратаковать, товарищ полковник.

- Пора, пора! Командуйте.

Я передал радиосигнал Корякину, Котову, командирам 1-го и 3-го батальонов Мозговому и Ковалеву.

Короткая, с выходом за передний край на небольшую глубину танков, мотострелков и автоматчиков контратака завершила дело. Сотни пленных и тысячи трупов фашистских вояк - таков итог двухчасового боя.

При отражении этой атаки отличилось большинство танковых экипажей. Мы восхищались их метким огнем.

- Твоя наука! - тепло говорил мне Яков Иванович.

- Наш общий труд, а наука - из добропамятной академии моторизации и механизации, - был мой ответ.

Умело управляли контратакой командир роты автоматчиков капитан В.С.Котов, командир взвода этой роты младший лейтенант В.И.Байдуков. Рота взяла в плен 123 человека. Котов, будучи раненым, продолжал командовать ротой.

В ходе разгрома группировки, наступавшей с фронта, бригада не могла надлежащим образом отреагировать на события у соседа слева. В направлении урочища Пергукукулуй и севернее противнику удалось прорвать не окрепшую еще оборону ограниченных сил 195-й стрелковой дивизии. Вслед за проведенной нами контратакой, по решению командира бригады на северные скаты высоты 234,9 и севернее Ковырлуй было переброшено по две батареи противотанкового и зенитного полков, взвод "Эрликонов" и перенацелен огонь артдивизиона и минометного батальона. Ураганным огнем на фронте до 1,5 км прорвавшаяся группировка была задержана и прижата к земле, а затем состоялась контратака 3-й танковой роты с ротой автоматчиков, завершившаяся уничтожением и пленением залегших фашистов.

Отличился здесь командир танковой роты старший лейтенант И.К.Дубенков, рота которого уничтожила штурмовое орудие, две пушки, бронетранспортер, 14-ть автомашин, два десятка повозок, до 200 вражеских солдат и взяла в плен более 100 человек.

Особо следует сказать о подвиге экипажа танка под командованием младшего лейтенанта Хмельницкого. Действуя из засад, а затем, атакуя, он уничтожил живую силу и технику одной колонны за другой. Весь экипаж был представлен к присвоению звания Героев Советского Союза.

Однако севернее урочища Пергукукулуй крупная группировка фашистов прорвалась на юго-запад в направлении Сара-та-Розешь. По сигналу командира корпуса второй эшелон - 36-я гвардейская танковая бригада - нанес по ней контратаку севернее Томая.

Долина западнее Саратени, южнее Колибабовка и в урочище Пергукукулуй была прозвана "долиной смерти" из-за тысяч трупов погибших гитлеровцев и сотен единиц сгоревшей техники. Здесь, а также в промежутках между батальонами до конца суток шли бои с разрозненными группами гитлеровцев.

15-я гвардейская мехбригада с девяти до 23-х часов отразила четыре атаки трех пехотных полков с танками и штурмовыми орудиями. Противник понес тяжелые потери. Бригада взяла сотни пленных.

В 23-м часу, когда на КП в землянку комбрига прибыли на доклад его заместитель и ряд офицеров штаба, он заканчивал разговор с полковником Чижом.

- Об этом сегодня же объявим личному составу бригады, - отвечал полковник Троценко. - Спасибо.

Положив трубку, Яков Иванович обратился к прибывшим:

- Германские войска, чтобы подавить восстание, бомбили Бухарест и бросили против восставших сухопутные войска. Совершена агрессия против вчерашнего союзника. Революционные отряды и румынский гарнизон отражают нападение немецких войск. В ответ на агрессию Румыния начала боевые действия против гитлеровских войск.

Мы радовались, и кто-то сказал:

- Выходит, благодаря успешной операции, наши силы возросли, а гитлеровские сократились.

- Безусловно. Кроме того, полковник Чиж передал, что генерал Жданов доволен действиями нашей бригады и передал через начальника штаба поздравление с разгромом в сегодняшнем бою превосходящих сил противника.

Кто сидел, инстинктивно встал, а стоявшие, вытянулись.

- Об этом и о переходе Румынии на нашу сторону без задержки должен знать, товарищ Листухин, весь личный состав.

Листухин удалился, а мы приступили к докладу. Начальник разведки доложил:

- На позиции бригады сегодня наступали дивизии 30-го и 52-го армейских корпусов. К вечеру отмечен подход и скопление крупных сил противника в районе Саратени, Орак, Чадыр, Колибабовка. Вывод: противник не отказался от попыток прорваться к переправам в Сарата-Розешь, Леово и Фелчиу. Штаб фронта информирует, что перехвачено радиодонесение генерала Постеля командующему 6-й немецкой армии: "Начинаю в 24 часа прорыв в юго-западном направлении к реке Прут".

- Пусть еще попробует. Начальник штаба, надо предупредить части и подразделения.

- Уже сделано час тому назад, - ответил я.

Помнится в моем докладе указывались приближенные данные о более чем семистах пленных и полутысяче раненых гитлеровцев, расположенных в садах Ковырлуя.

- перевязочных материалов не хватает. Бригадный врач майор А.П.Сергиенко с капитаном П.В.Шияном из политотдела организовали в селе сбор тканей у населения, но не все склонны лечить фашистов, - подчеркнул я. - Начальник штаба корпуса на мою просьбу ответил, что попросит у медиков фронта прислать два подвижных полевых госпиталя, из них один - к нам, в Ковырлуу, специально для оказания помощи раненым пленным.

Доложил я также и о соседях. 15-я мехбригада - на прежних позициях: 36-я танковая после разгрома группировки, прорвавшейся в полосе 195-й стрелковой дивизии и вышедшей к Сарата-Розешь, продолжает ликвидацию мелких групп гитлеровцев к северу от села Томай. 14-я бригада выдвигается для обороны рубежа Войнеску, Сарата-Розешь во втором эшелоне корпуса, а в Леово ее сменили части 10-й гвардейской дивизии 6-го гвардейского стрелкового корпуса, переправившись частью сил на западный берег Прута. На рубеже от южной окраины Минжира до высоты 139,3 занял оборону 60-й гвардейский стрелковый полк 20-й гвардейской стрелковой дивизии.

- Таким образом, на направлении Колибабовка, Сарата-Розешь, где сегодня было слабое место, оборона стала глубже и сильнее, - подчеркнул я.

- А наши потери? - спросил полковник.

- Убито 14, ранено 47 человек, подбит один танк, повреждена 45 мм пушка.

- Незначительные потери - наша главная сегодня победа! - прокомментировал командир бригады.

Мы вновь разделили силы на НП и КП, причем основным пунктом управления вновь стал НП, где расположились комбриг, начальник штаба и основные штабные офицеры. За ночь каждый по очереди поспали не более двух часов, что считали в той обстановке везением.

День 26-го августа по боевому накалу был таким же, как и накануне, однако мы чувствовали себя уже более уверенно. И вновь весь день господствовала советская авиация, а гитлеровская не появлялась.

С семи часов десяти минут до одиннадцати часов с минутами бригада была атакована частями двух пехотных дивизий, как вскоре прояснилось, 282-й и 294-й из состава 44-го и 52-го армейских корпусов.

Первая атака была направлена главным образом против 1-го батальона.

- Смотрите, повторение вчерашнего, - наблюдая в бинокль, сказал полковник Троценко. - За линией танков и штурмовых орудий идет пехота в три-четыре цепи.

- Но есть и отличие: вчера за пехотой шла артиллерия и организованные колонны, а сегодня - беспорядочно движущаяся масса автомашин, мотоциклов, конных повозок и людей, - заметил я.

- Точно. Уже организованность не та.

Повторились и наши действия: на дальних подступах - поражение врага огнем артиллерии, минометов и штурмовиков Ил-2; на ближних - уничтожение огнем артиллерии, танков и реактивных пусковых установок, поставленных на прямую наводку, когда в считанные минуты вспыхнуло полтора десятка броне единиц из 25 атакующих; с подходом к переднему краю - мощный огонь всех огневых средств по единой команде.

Гитлеровцы остановились в замешательстве, неся потери, а уцелевшие - залегли. В ходе контратаки танков и мотострелков противник потерял сотни пленных, а уцелевшие панически бежали.

- А сегодня они охотнее поднимают руки, - проговорил Федоров, наблюдая контратаку в бинокль.

- Куда деваться, смерть-то вокруг них.

Мимо НП бойцы 1-го батальона ведут большую группу пленных - неумытых, обросших, в грязной одежде. Как ни странно, многие улыбаются и при любой команде конвоирующих, послушно тянут руки вверх.

- Отвоевали, живы - вот и улыбаются, - говорит кто-то из офицеров штаба. - Вид - мерзкий!

Оправившись, в 10 часов 30 минут фашисты провели атаку южнее, против, в основном, 3-го батальона. Предшествовавший ей маневр мы наблюдали, поэтому результат был тот же, что и в ходе первой атаки.

Около 11-ти часов встревоженный капитан Бабкин доложил:

- На стык 2-го и 3-го батальонов движутся колонны противника большой численности.

- Откуда они идут? - спросил командир бригады.

- Сейчас запрошу.

- Запрашивать нет нужды. Было видно, как бежавшие после неудачной атаки на 3-й батальон фрицы повернули на юг, - доложил я. - Мечется все та же группировка.

Тут последовал доклад командира 2-го батальона о том же.

- Товарищ полковник, пропустим их поглубже, затем ударом обоих батальонов с танками отсечем и прикончим, - предложил я.

- Верно! Дайте команду Ковалеву и Азимкову: контратака в 11.25. Я распоряжусь насчет танков и артиллерии.

Вслед за постановкой задач двум батальонам была выдвинута на юго-восточную окраину Ковырлуя рота автоматчиков с тем, чтобы преградить путь в село вклинивающейся между батальонами группировке.

Последняя продвинулась между батальонами на 800 м, попала в огневой "мешок" и остановилась. Контратака состоялась в назначенное время. В ней участвовали мотострелковая рота 3-го батальона под командованием гвардии лейтенанта Халифеева с танковой ротой и мотострелковая рота 2-го батальона под командованием гвардии старшего лейтенанта Ф.А.Березнева. Гитлеровцы заметались в кольце и сдались. Мотострелковая рота Халифеева и рота автоматчиков Котова взяли здесь в плен до полутора тысяч человек. Только отделение гвардии старшего сержанта М.Я.Иванова из роты Халифеева уничтожило 10 и взяло в плен до 100 гитлеровцев.

Пресекая прорыв в глубину, на запад, героически сражался взвод автоматчиков во главе с гвардии младшим лейтенантом Горбачевым. В этом бою он погиб.

К 12-ти часам разгром группировки из двух дивизий был завершен. Прибавилось и раненых фашистов в Ковырлуе. В числе пленных оказались один генерал и до десятка старших офицеров, преимущественно полковников из 44 и 52-го армейских корпусов. Один генерал, будучи тяжело раненым, умер.

Вот с этим последним связан эпизод, стоивший мне неприятных последствий. К концу последней контратаки я на "Виллисе" с разрешения комбрига выехал к стыку 2-го и 3-го батальонов у северо-восточной окраины Фрумушки, чтобы на месте разобраться с обстановкой. Мы с ординарцем и водителем издали увидели в том месте, куда следовали, две немецкие плавающие легковые машины "Татра". Мы их называли лодочками. В тот же момент у головной машины взорвался снаряд, она неуклюже повернулась и остановилась у посадки. Вторая машина повернула назад, ее пассажиры замахали белыми платками и сдались автоматчикам.

Подъехав, мы на изрешеченной осколками машине увидели убитых офицера и солдата и в бессознательном состоянии раненого генерала. Из виска и плеча у него текла кровь. В кармане его Семен Макаров нашел документы и передал мне. В удостоверении я прочел: генерал-майор фон Айхштедт, командир 294-й пехотной дивизии.

- Положить генерала на "Виллис", - скомандовал я.

Это был человек большого роста. На КП штабной врач, осмотрев раненого, сказал:

- Кажется, будет жить, но требуется срочная операция. Стремясь выиграть время, я на тот же "Виллис" посадил офицера связи и приказал доставить генерала на КП корпуса.

Вслед за этим на КП привели другого пленного генерала. Нужно было также срочно отправить его и группу пленных старших офицеров, но легковых под руками не было. Я распорядился посадить их на полугрузовой американский "Додж-3/4", машину удобную и скоростную. Об отправке фон Айхштедта и группы я доложил полковнику Чижю.

- Очень хорошо, Обатуров, это - ценные "языки", - ответил начальник штаба корпуса. - Встретим.

По дороге фон Айхштедт скончался, а машина с группой пленных генерала и офицеров сломалась в километре от Томая. В итоге на КП корпуса привезли труп и через час привели пешком группу пленных. Генерал Жданов возмутился:

- Мертвого генерала - на легкой, а живого пешком? На это способны только в 13-й и Обатуров со своей упрямой башкой!

- Обатуров позвонил мне и без задержки отправил раненого, но живого генерала, нуждавшегося в срочной медицинской помощи, - доложил ему полковник Чиж. - А поломка машины - случайность.

- Не оправдывайте безголовость! Доложите приказ о наказании!

Полковник Чиж позвонил мне, сообщил о случившемся и добавил:

- Сильно не расстраивайтесь. В спокойный момент я ком-кору объясню. Не менее ценным оказался второй пленный генерал, тоже командир дивизии.

А вечером после очередного доклада командир бригады сказал:

- Только что состоялся мой доклад о сегодняшних боях командиру корпуса. Я ожидал похвалу, но получил встрепку за безголовую, как он выразился, доставку пленных генералов. Обещал ему разобраться, поскольку не знал, что произошло.

Я ему рассказал, как все случилось. Подумав, полковник сказал:

- Я его все больше узнаю... Не принимайте близко к сердцу случившееся.

Однако это событие острой занозой торчало в душе несколько дней. И воспринималось, прежде всего, не как собственная беда, а как удар по командиру бригады, полученный без его вины, по моей, пусть и нелепой, оплошности. К позавчерашней выволочке от комкора полковнику Троценко добавилась сегодняшняя.

Командир артиллерийского дивизиона гвардии капитан Брандуков при очередном докладе сказал:

- Товарищ подполковник, "лодочку" немецкого генерала подбило наше орудие из 3-й батареи, занимающей позицию на восточных скатах высоты 193,2, к юго-западу от Ковырлуя. Но оно едва не выстрелило по вам, когда вы подъехали к немецкой "лодочке". В последний момент командир орудий рассмотрел, что это - наш "Виллис" и подал команду "Стой! Разряжай!".

Никому неприятно услышать сообщение о том, как дышала над ним смерть, но я отшутился:

- На войне как на войне, все бывает.

В течение второй половины дня 26-го августа шло вылавливание и пленение групп гитлеровцев в районах обороны 2-го и 3-го мотострелковых батальонов, скрывавшихся в кукурузе. А перед наступлением темноты какой-то блуждавший пехотный батальон противника атаковал позицию 1-го батальона, но был побит и пленен.

В ходе вечернего доклада комбриг заметил:

- А знаете, товарищи штабисты, кажется окруженные гитлеровцы не управляемы, к тому же выдыхаются?

- Верно! А кому управлять? Штаб 30-го армейского корпуса разбит, а, ведь на него было возложено управление.

- Распорядитесь о мерах готовности и бдительности на ночь, а я немного прилягу.

И он заснул. Я удивлялся умению Якова Ивановича заставить себя заснуть в любой момент.

В этот день мы вновь тесно взаимодействовали со 195-й стрелковой дивизией и на стыке гитлеровцев не пропустили. Но между нею и 15-й бригадой во второй половине дня прорвалось до полутора пехотных полков. Восточнее Сарата-Розешь прорвавшиеся были ликвидированы совместно 14-й бригадой, 60-м полком 20-й стрелковой дивизии и частью сил 36-й танковой бригады.

Ночь прошла спокойно, а день 27-го августа явился последним днем уничтожения окруженной группировки. С 9.00 до 9.30 бригада отразила разрозненные атаки групп гитлеровцев общей численностью до трех пехотных батальонов. Встретив сильный огонь, они сдались.

Днем штаб корпуса информировал об ультиматуме, предъявленном штабом фронта командирам окруженных армейских корпусов. Хотя не составляло труда окончательно ликвидировать окруженных, однако командование фронта проявляло гуманность. Оно предложило оставшимся войскам сдаться в плен с полной гарантией сохранения жизни и возвращения после войны в Германию. Высшим офицерам оставлялось холодное оружие.

Утром 27-го августа парламентарии доставили текст ультиматума окруженным войскам в лес северо-восточнее Чадыра, а по возвращении доложили, что не нашли ни командиров корпусов, ни командиров дивизий.

Но визит парламентариев и листовки, сброшенные с самолета, подействовали. После десяти часов началась сдача в плен.

Перестала существовать группировка немецких войск, насчитывавшая 18 дивизий. Из этого числа уничтожено в противостоявшем нам "котле" восточнее реки Прут, по данным различных источников, 14-ть дивизий, во втором "котле", к юго-западу от Хуши - 4.

Мы поздравляли друг друга с победой. Помощник командира бригады по тылу гвардии подполковник Вологин рядом с КП в посадке организовал обед, на котором были заместители командира бригады и несколько офицеров штаба.

- С победой и за новые победы! - произнес тост полковник Троценко.

Это была радость незабываемая. И как-то само собой в голове возникли строки:

«Искал спасенья враг в атаках,
Как хищник в клетке бился он,
Но был огнем и в контратаках
Разбит, повержен и пленен».

С разрешения командира мы с майором Федоровым проехали на "Виллисе" к "долине смерти" в направлении села Саратени. То, что открылось там, нас потрясло! Из-за трупов людей и лошадей, из-за множества сгоревших и подбитых машин, брошенных орудий мы проехали не более 400 метров и вернулись.

Это - кошмар войны! Но это и торжество! Торжество возмездия за поруганную врагом советскую землю, за миллионы погибших и искалеченных советских людей. Торжество победы!

А по дорогам с белыми полотнищами шли колонны гитлеровцев в плен. Шли, опустив головы. Шли те, кто, послушно следуя призывам Гитлера, надеялись стать на востоке господами, сделав из нас рабов. Жалкое зрелище!

Другая часть несостоявшихся господ лежала на земле обескровленная, с остекленевшими глазами. Им нет возврата в Германию, им не поставятobelisks на месте гибели и не напишут на них имен. Их прах истлеет на чужбине, необозначенный ничем. В назидание их потомкам!

В этот день мы попрощались с гвардии подполковником З.С.Тагировым. Он переводился на ту же должность в 15-ю гвардейскую мехбригаду. На его место прибыл командир 37-го гвардейского танкового полка той же бригады гвардии

подполковник Семен Иванович Клейменов. Чем было вызвано это перемещение, полковник Троценко не знал.

Пленение остатков разбитых соединений 6-й немецкой армии было делом стрелковых соединений. И 4-й гвардейский механизированный корпус был без промедления перенацелен на дальнейшее развитие операции.

Около 19-ти часов 27-го августа бригада получила распоряжение о подготовке к маршу на значительное расстояние. Полки, батальоны, дивизионы собрали и к полудню 28-го августа привели в порядок технику, оружие, погрузили запасы материальных средств и накормили личный состав. А штаб обобщил результаты участия бригады в боевых действиях, и я доложил их командиру.

- Бригадой уничтожено: солдат и офицеров противника - 6507, танков и штурмовых орудий - 22, орудий - 85, автомашин - 400, складов с боеприпасами - 16, с горючим - 13; захвачено: пленных - 3276 человек, автомашин - 40, орудий - 30, паровозов - 16, вагонов - 260, лошадей - 1680, повозок - около 200, складов с боеприпасами, горючим и продовольствием - 52, эшелонов с продовольствием - 1. Потери бригады: убито - 35 человек, ранено - 149, сгорело танков - 3, автомашин - 3, подбито танков - 5, 45 мм орудий - 2, автомашин - 8, БТР - 1, выведено из строя 18 единиц стрелкового оружия.

- Чудесный итог! Дайте мне записочку в карман, в любое время может спросить командир корпуса или его штаб, - улыбаясь, сказал Яков Иванович.

После славной победы моральный дух воинов был высочайшим, они не чувствовали усталости. А у командования и штаба - новые заботы.

Нас уже не один день беспокоило состояние танков, точнее их ходовой части. Помощник командира бригады по технической части на сей раз уже вторично докладывал:

- Марш на 150 км, а затем еще на 170 большая часть танков не выдержит. Они прошли весной две операции в распутицу, в этой операции намотали 280 км. Началось массовое разрушение резиновых бандажей на катках. Остаток моторесурса двигателей на многих танках - 20-40 часов.

- Что предлагаете?

- Просить лично комкора об ускорении подачи катков.

- Подпишем телефонограмму. В суматохе сражения комкор может не все знать. Ну а марш? Пойдем, пока танки не остановятся.

Я перешел в свою землянку и позвонил помощнику комкора по техчасти, инженер-подполковнику Г.Р.Прагину:

- Григорий Робертович, мы опасаемся, что на марше танки остановятся. Нужны катки.

- Во-первых, поздравим друг друга с победой. Во-вторых, это нас беспокоит, и генерал Жданов поставил вопрос о катках не только перед командующим БТ и МВ фронта, но и лично перед Толбухиным. Думаю, что на Дунае получим.

О разговоре я доложил полковнику.

- И телефонограмму писать не надо, - сказал он помощнику, - раз фронт озабочен - катки будут.

В связи с предстоящими действиями на территории Румынии командирами и политработниками проводилась еще до марша большая партийно-политическая работа; она продолжалась и в ходе марша. На партийных и комсомольских собраниях, затем на собраниях личного состава подразделений, через коммунистов личному составу разъяснялась политика партии и правительства в отношении Румынии: Красная Армия идет в Румынию не как завоевательница, а как освободительница от фашизма. И цель ее - разгром гитлеровских войск на территории Румынии - страны, ставшей уже союзницей в антифашистской войне.

Особо подчеркивалась необходимость правильных взаимоотношений с румынским населением, исключения случаев неуважительного отношения к обычаям и традициям румын. И наши воины, воспитанные в духе интернационализма, легко воспринимали это.

Выполняя полученную задачу, бригада в 15-ть часов 28-го августа начала марш. Пройдя в голове колонны корпуса вдоль левого берега Прута 180 км, она к 23-м часам сосредоточилась в районе села Импутица, расположенного в нескольких километрах к северу от реки Дунай и в 25-ти километрах юго-западнее легендарного Измаила. В жаркий день по пыльным дорогам бригада показала среднюю скорость более 22-х километров в час.

А Измаил, ратная слава и гордость России, был рядом.

- Эх, побывать бы в нем, да нет возможности!

- Ты прав, Обатурыч. Будем живы - побываем, - заметил Яков Иванович.

Импутица явилась исходным районом бригады для форсирования Дуная. Еще накануне, войска 46-й армии овладели румынским городом и портом Галац на левом берегу северной излучины Дуная, рядом с устьем реки Прут. А 34-й стрелковый корпус 57-й армии в тот же день форсировал Дунай и захватил плацдарм на его южном берегу в районе Исакча, напротив Импутицы. Собственно, нам предстояло не форсировать, а переправляться.

К утру 29-го августа к Дунаю вышел весь корпус. А бригада получила задачу, переправившись во второй половине дня колесной техникой - по понтонному мосту, а танками - на паромах к югу от Импутицы, составить передовой отряд корпуса, стремительно преследовать отходящие части гитлеровских войск и к исходу 30-го августа овладеть городом Меджи-дия (50 км западнее города и порта Констанца) с тем, чтобы перехватить пути отхода гитлеровцам на запад из Констанцы. Наряду с этим очистить от противника и оборонять район сосредоточения корпуса вокруг Меджидии.

К полудню командование бригады, полков и батальонов с несколькими офицерами штаба провели рекогносцировку мостовой и паромных переправ и путей к ним, наметили исходный рубеж и места контрольных пунктов пропуска к переправам. Мост и паромные переправы наводили инженерные войска фронта. Успел к этой работе и вновь назначенный командир 38-го гвардейского танкового полка подполковник Петр Федорович Тулов; он прибыл с должности начальника штаба отдельного танкового полка 37-й армии.

А в это время личный состав бригады, как и других соединений, кроме зенитчиков, с разрешения комкора с большим удовольствием купался в одном из рукавов Дуная.

- Смотрите, сколько радости у воинов после пыльного марша и долгого отсутствия бани! - проговорил Листухин. - Может, и мы искупаемся?

- Купайся, а ты, Обатурыч?

- Не могу, дел - по горло, да и в любой момент вызовут в корпус: ведь мы - ПО.

- И то верно.

От реки направились в бригаду и внезапно встретились с тремя генералами, одним из которых был командир корпуса, а два - незнакомых: один - среднего роста, полный, в комбинезоне цвета хаки, скрывавшем погоны, второй - генерал-полковник, ростом повыше, в легком кителе. Это были генерал армии Федор Иванович Толбухин, командующий войсками 3-го Украинского фронта, и Алексей Сергеевич Желтов, член Военного совета фронта. Мы обоих видели в первый раз. С ними был также подполковник Толубко.

Генерал Жданов представил нас и подошедших вскоре командиров бригад: 14-й механизированной - полковника Никодима Алексеевича Никитина и 36-й танковой - полковника Петра Семеновича Жукова.

Пожав руки командирам бригад и нам с Листухиным, генерал армии Толбухин сказал:

- Поздравляю вас и ваших гвардейцев с успешной ликвидацией окруженных фашистских войск.

Мы ответили: "Служим Советскому Союзу!" Присоединился к поздравлению и генерал Желтов.

- У меня вопросы к командиру передового отряда, но сначала общий вопрос ко всем вам: почему ваш корпус подбил и сжег танков и штурмовых орудий фашистов в два раза больше, а потерял своих в два раза меньше, чем 7-й мехкорпус?

Воцарилось короткое молчание. Затем ответил генерал Жданов:

- Видимо, мы лучше подготовили танковое оружие и экипажи.

- И лучше вникали в дело! - подчеркнул с улыбкой командующий.

Затем Федор Иванович повернулся к полковнику Троценко и спросил:

- Каковы в бригаде потери, чего не хватает?

- Убитых и раненых - 184 человека, танков - 8, из них три сгорело и пять подбито. Остро нужны катки для танков.

- О катках знаю, генерал Сухоручкин этим занимается, возможно, подадим самолетами. Готовы ли к переправе?

- Личный состав задачи знает. Водители и экипажи танков по технике погрузки на паромы и движения по мосту проинструктированы, кроме того, им даны памятки.

- Ну, успеха вам.

И командующий стал беседовать с полковниками Никитиным и Жуковых, а генерал Желтов - с Листухиным и мною. Он спросил Листухина:

- Сколько потеряли коммунистов? Сколько за операцию приняли в партию?

- Убито 23, ранено до восьмидесяти.

- Начальник штаба?

- Убито именно 23, а раненых - 61. В приданных полках и дивизионе гвардейских минометов - плюс 9 и 24.

- Сколько сейчас людей в строю?

- Более трех тысяч, - ответил Листухин. Генерал перевел вопросительный взгляд на меня.

- В самой бригаде 3108 человек, в приданных частях -1124, а всего 4232 человека.

- Вам, товарищ Листухин, трудно выполнять обязанности при таком знании состояния бригады, - заключил генерал Желтов.

Перед самой переправой было получено распоряжение штаба корпуса о перевозке танков. Надлежало после переправы танки вывести в район города Тульчи, погрузить в железнодорожные эшелоны и перевезти на станцию Меджидия.

- Прекрасно, экономия ресурса 150 км, - воскликнули мы в штабе. - А с небольшими силами гитлеровцев справимся и без танков.

С 13-ти часов начал переправу 38-й гвардейский танковый полк, а с 14-ти по мосту пошла колонна колесной техники бригады. В голове шел ПО - 2-й мотострелковый батальон, за ним КП бригады. Двигаясь на своей радиийной машине "Хорх" за комбригом по полуторакилометровому понтонному мосту, с каким крайним нетерпением ждал, когда колеса машины коснутся румынского берега.

И вот мы за границей! Родная, свободная от врага земля - позади. Стихийно, без команд полетели в воздух ракеты разных цветов, с машин кричали "Ура", размахивали головными уборами. И мы с Семеном, радистом и водителем делали то же.

- Война возвращается туда, откуда пришла, - сказал я товарищам. - Верим, там она и кончится.

- Верим, верно! - кричали они.

Впереди бригады двигался разведотряд корпуса - 62-й мотоциклетный батальон. Из радиограмм его мы знали обстановку впереди еще за час до своего прихода. Сопrotивления со стороны гитлеровцев не было; их отдельные группы, разоруженные румынами, передавались ими разведотряду и бригаде. Колонна двигалась быстро, последовательно проходя пункты Николицеул, Приннипель Михай, Бабадаг, Витязу, Фердинанд.

Сквозь пыль через стекла машины мы рассматривали незнакомую страну. Особенно волновало нас отношение к нам местного населения.

Правящий режим Антонеску, втянувший страну в преступную войну на стороне фашистской Германии, разорил не только молдавскую, но и румынскую деревни.

Пройдя 150 км, бригада передовым отрядом вошла в город Меджидию в 20-ть, а главными силами - в 21 час 30-го августа, о чем тотчас было донесено командиру корпуса. К исходу дня бригада в полном составе заняла оборону полукругом западнее, южнее и восточнее города.

Небольшой румынский гарнизон встретил дружески. Начальник гарнизона полковник Ионеску в широкой фуражке с высокой тульей, обращаясь к полковнику Троценко, спросил:

- Что от нас требуется советским частям?

- Сдать разоруженных немецких военнослужащих.

- Уже сданы вашим мотоциклистам те 8 человек, что были.

- Выделить помещение вблизи вашей комендатуры города для нашего коменданта и патрулей.

- Две комнаты достаточно?

- Да.

- Выделяю в нашей комендатуре, - ответил Ионеску.

Между тем разведгруппа 62-го мотоциклетного батальона из Констанцы донесла, что еще 28-го августа воздушный и морской десанты совместными действиями взяли город.

- Значит, угрозы с востока корпусу в районе сосредоточения нет, - заключил полковник Троценко. - Теперь основное внимание на запад, в сторону городка Чернавода.

- Понял, уточняю состав, задачи, направления и рубежи разведдозорам и охранению, - ответил я.

На следующий день, 31-го августа улицы города были полны гуляющего народа, приветливо улыбавшегося советским воинам. То же происходило в окружающих деревнях. Предупредительно-корректное отношение наших людей к румынам вызвало уважительное отношение с их стороны.

Яско-Кишиневская операция завершилась 29-го августа. За героизм, мужество и отвагу личного состава, проявленные в операции, указом Президиума Верховного Совета СССР от 16-го сентября 1944-го года все три мехбригады корпуса были награждены орденами Красного Знамени и стали именоваться "Краснознаменные", а 36-я танковая бригада - орденом Суворова II степени. Корпус указом от 10-го сентября был удостоен ордена Кутузова II степени. Командир корпуса генерал-майор танковых войск В.И.Жданов получил звание Героя Советского Союза и стал генерал-лейтенантом танковых войск.

К сожалению, кроме комкора звание Героя Советского Союза получили в корпусе лишь четыре человека - только те, кого Жданов представил.

Многие комбриги в соседних танковых и механизированных корпусах удостоились Героев, а у нас - ни один. Из представленных бригадой к званию Героя восьми человек все были отклонены комкором. Не случайно после Одесской операции шел слух о высказывании генерала Жданова: "Пока комкор - не Герой, в командовании бригад не может быть Героев". Слух есть слух, верен ли он - судить не могу.

Замечу, что все гвардейцы, подвиги которых мною отмечены в тексте, получили награды. Конечно, число награжденных не ограничивается лишь упомянутыми лицами.

Яско-Кишиневская операция по своему замыслу и исполнению вошла в число выдающихся операций Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. За весьма короткий срок - 10 суток - была разгромлена крупная группа армий противника "Южная Украина", уничтожено 22 немецких дивизии, из них 18-ть - в окружении. Разгромлены все румынские дивизии, находившиеся на фронте. Не случайно впоследствии ее назвали "Яско-Кишиневскими Каннами".

В итоге операции Гитлер потерял не только крупную группировку войск, но, по существу, и Балканы. Победный ее итог мы ощущали вплоть до Будапешта.

(У селения Канны, в юго-восточной Италии в 216-м году до нашей эры карфагенские войска под командованием Ганнибала, искусно построившего войска и

умело организовавшего атаку, окружили и уничтожили численно превосходящие римские войска во главе с Варроном. С тех пор слово "Канны" стало нарицательным для операций на окружение).